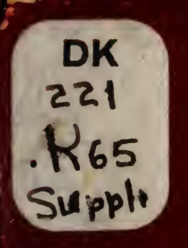
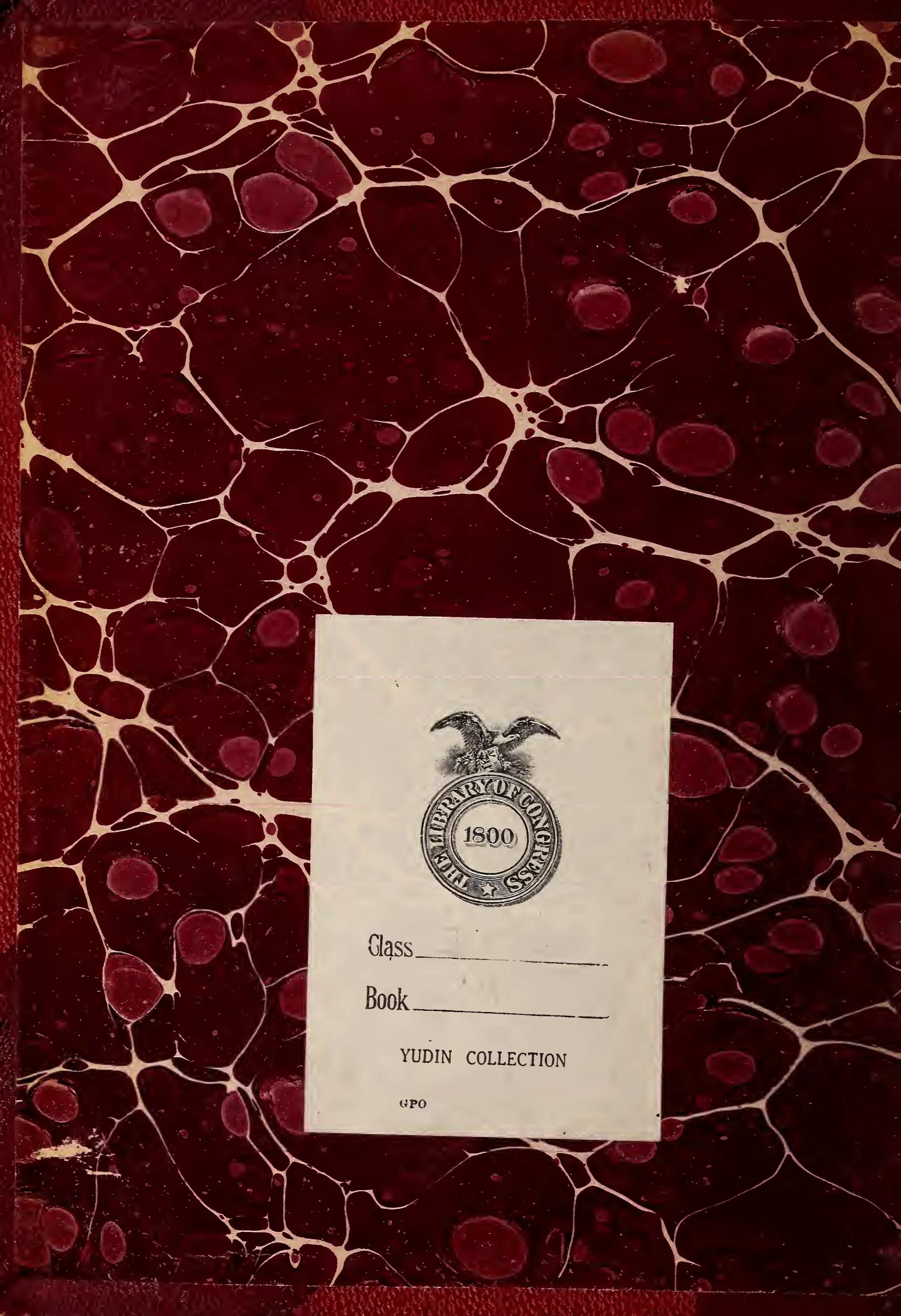
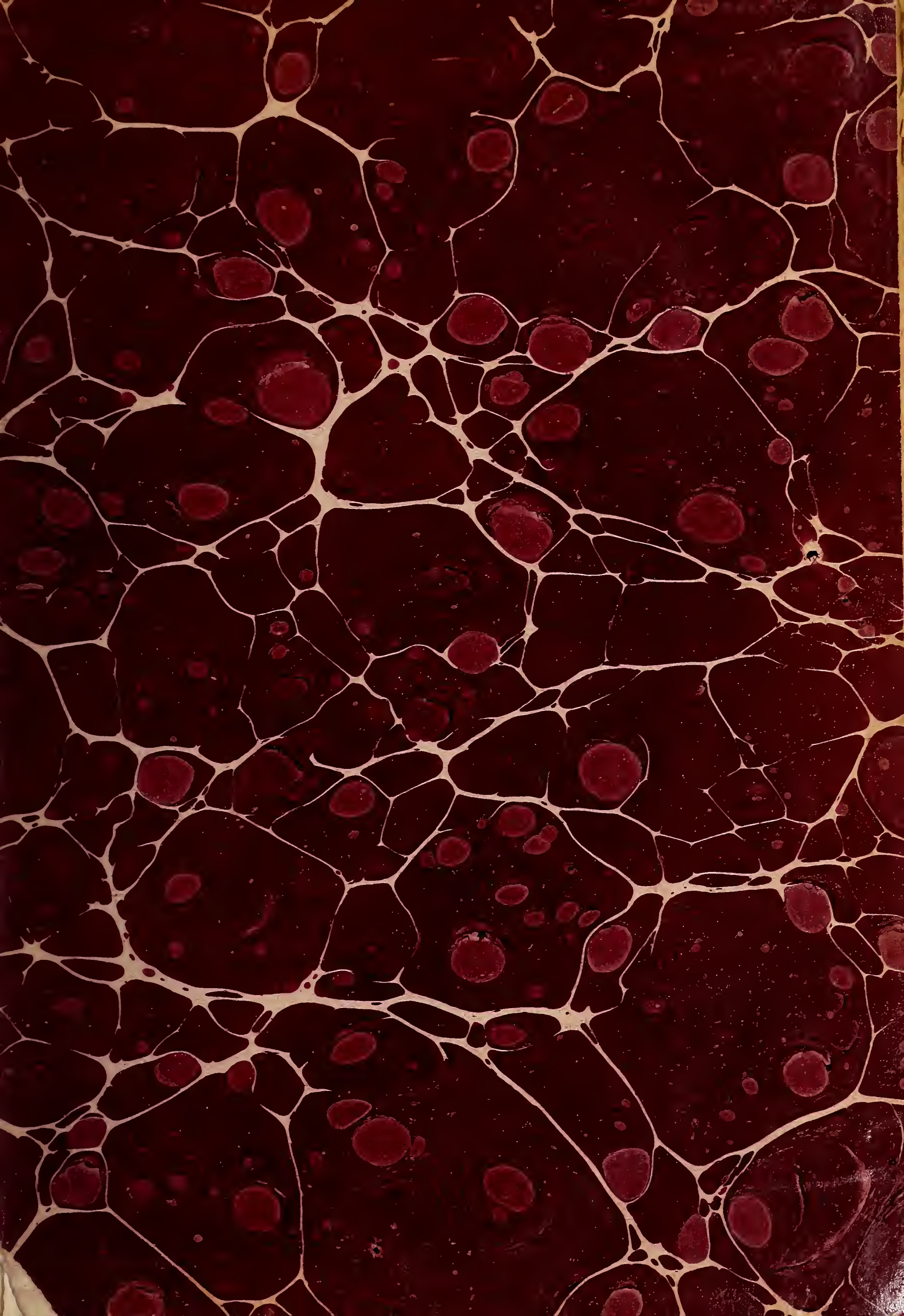

DK
221
.K65
Suppl

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800
Class
Book
YUDIN COLLECTION
GPO

Ein Allgemeiner Landtag für Russland.

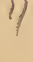
ОБЩАЯ ЗЕМСКАЯ ДУМА

ВЪ РОССІИ.

Дополненіе къ книжкѣ:

„НАШЕ ПОЛОЖЕНІЕ“.

А. КОШЕЛЕВА.

BERLIN.
B. BEHR'S BUCHHANDLUNG (E. BOCK),
27. UNTER DEN LINDEN. 27.
1875.

Von A. Koscheleff.

ОБЩАЯ ЗЕМСКАЯ ДУМА

ВЪ РОССІИ.

Дополненіе къ книжкѣ:

„НАШЕ ПОЛОЖЕНІЕ“.

А. КОШЕЛЕВА.

BERLIN.
B. BEHR'S BUCHHANDLUNG (E. BOCK),
27. UNTER DEN LINDEN. 27.
1875.

Книжка моя: „Наше положеніе“, встрѣченная многими съ сочувствіемъ и доставившая мнѣ нѣсколько пріятныхъ отзывовъ, подверглась въ Россіи, къ крайнему моему прискорбію, *безусловному запрещенію.*

За что?

За то ли, что въ ней проповѣдовались какія-либо безбожныя или безнравственныя нигилистическія мнѣнія?— Нѣтъ! самый строгій православный христіанинъ не найдетъ въ ней ни однаго мнѣнія, ни однаго выраженія, хотя сколько-нибудь противнаго ученію нашей церкви или заповѣдямъ христіанской нравственности.

За то ли, что въ этой книжкѣ содержатся выходки противъ самодержавія или противъ личности царствующаго Государя или вообще противъ вер-

ховной власти? — Конечно нѣтъ! ибо не могъ я говорить чего не думаю; а я вполнѣ и глубоко убѣжденъ въ необходимости самодержавія для Россіи; считаю великимъ счастіемъ незыблимость верховной власти въ нашемъ отечествѣ; искренне преданъ своему Государю и отъ души Его люблю за великія Имъ совершенныя преобразованія и за личныя Его ко мнѣ милости.

За то ли, что въ моей книжкѣ высказаны какія-либо революціонныя начала, возбужденія къ неповиновенію вообще или къ враждѣ однаго сословія противъ другаго? — Нѣтъ! сто разъ нѣтъ! Я совершенно чуждъ революціонизма и по характеру и по убѣжденіямъ и по лѣтамъ и по моему положенію вообще. Смѣло вызываю самаго придирчиваго слѣдователя и самаго беззастѣнчиваго доносщика указать, гдѣ я возбуждалъ какія-либо страсти или лица къ противудѣйствію правительству или къ борьбѣ сословій между собою или къ какимъ-либо другимъ противузаконнымъ дѣйствіямъ.

За что же наконецъ, *безусловно запрещена*, въ Россіи, моя книжка?

За то, что въ ней высказаны нѣкоторыя правды на счетъ настоящаго нашего положенія и дѣйствительнаго веденія у насъ дѣлъ; что онѣ изложены хотя и безъ злобы и насмѣшки, но и безъ утайки и прикрышки; и что тѣмъ нарушается гармонія лжи, которою стараются все прикрыть.

Грустно, очень грустно, что дома, между своими, нельзя откровенно бесѣдовать о нашихъ общихъ нуждахъ, и что необходимо прибѣгать къ берлинскимъ или лейпцигскимъ станкамъ, чтобы свободно передавать свои мысли и чувства. Прискорбно и то, что надо ѣхать за границу или прибѣгать къ нарушенію таможенныхъ правилъ, чтобы достать и прочесть книги объ Россіи — книги не нигилистическія, не революціонныя, не безнравственныя, а только имѣющія свойство правдивости относительно нашего отечества. — Неужели это требуется государственною пользою и спокойствіемъ страны?

Объясню здѣсь, въ короткихъ словахъ, цѣль нынѣ печатаемой книжки.

Въ концѣ изданной, въ прошломъ году, книжки:

„Наше положеніе“, мы вывели необходимость учрежденія у насъ государственной земской думы и не высказали нашего мнѣнія о томъ: какъ и изъ кого её составить? Какія права ей предоставить? Какія обязанности на нее возложить? Какой кругъ дѣятельности ей очертить? Къ этому мы присовокупили: „Эти и другіе вопросы — разрѣшить не трудно. Самое существенное — убѣдиться, что мы не можемъ долѣе оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ находимся, что намъ необходимо изъ него выдти, и что единственный къ тому путь и способъ есть учрежденіе сказанной думы.“ — Многіе, изъявляя свое сочувствіе къ этой мысли, предлагали мнѣ разные вопросы: Какъ согласовать существованіе такой думы съ самодержавіемъ? Предоставлять ли ей разсмотрѣніе государственной смѣты приходовъ и расходовъ? Будетъ ли эта дума вправѣ отказывать правительству въ расходахъ, которые она сочтетъ излишними, въ установленіи новыхъ налоговъ или въ усиленіи уже существующихъ? Если дума не будетъ вооружена рѣшительнымъ голосомъ, то будетъ ли она имѣть какое либо значеніе? Всѣ ли проэкты законовъ должны

проходить через думу или самодержавная власть сохранитъ за собою право издавать таковые и помимо думы? Какъ производить выборы гласныхъ? На какой срокъ ихъ избирать? Въ какое время имъ собираться и долго ли должны продолжаться ихъ собранія? — Еще много другихъ вопросовъ было мнѣ предложено; изъ нихъ я убѣдился, что большинство вопросителей сбивалось на европейскій конституціонализмъ, котораго я вовсе не имѣю въ виду, и что необходимо изложить обстоятельно то мнѣніе, которое я себѣ составилъ о дѣятельности предполагаемой мною земской думы.

Вотъ поводъ къ написанію и изданію этой книжки. Авось она заставитъ иныхъ призадуматься, другихъ — высказать свои, быть можетъ, лучшія, по сему предмету, мысли, а цензуру — наконецъ убѣдиться въ моихъ анти-революціонныхъ, истинно консервативныхъ и искренне вѣрноподданническихъ чувствахъ и мнѣніяхъ.

Еще два слова.

И вновь изданная мною въ Берлинѣ книжка:

„Объ общинномъ землевладѣніи“ — подверглась запрещенію!

Это за что́?

Разгадка причины этого запрещенія уже превышаетъ мои умственныя силы.

Думалъ, что упрекнутъ меня за то, что такое сочиненіе, русскимъ охранительнымъ духомъ проникнутое, напечатано мною не въ Россіи, и что тѣмъ я ограничилъ и затруднилъ его обращеніе въ странѣ нашей. — Нѣтъ! Цензура эту книжку запретила

А. Кошелевъ.

11/23 Іюля 1875.

Емсъ.

I.

О самодержавіи.

Какій предлогъ самодержавнаго правленія? Не тотъ, чтобъ у людей отнять естественную ихъ вольность: но чтобы дѣйствія ихъ направити къ полученію самаго большаго ото всѣхъ добра.

И такъ правленіе къ сему концу достигающее лучше прочихъ, и при томъ естественную вольность меньше другихъ ограничивающее, есть то, которое наилучше сходствуетъ съ намѣреніями, въ разумныхъ тваряхъ предполагаемыми, и соотвѣтствуетъ концу, на который въ учрежденіи гражданскихъ обществъ взираютъ неотступно.

Самодержавныхъ правленій намѣреніе и конецъ есть слава гражданъ, государства и Государя.

Но отъ сея славы происходитъ въ народѣ, единоначаліемъ управляемомъ, разумъ вольности, который въ державахъ сихъ можетъ произвести столько же великихъ дѣлъ и столько споспѣшествовати благополучію подданныхъ, какъ и самая вольность.

(Наказъ Имп. Екатерины II, 1767 г. ст. 13, 14, 15 и 16.)

Самодержавіе, по мнѣнію многихъ, однозначуще съ деспотизмомъ. Это несправедливо. Деспотизмъ можетъ быть и при самодержавіи и при конституціонномъ правленіи и въ республикѣ. Деспотизмъ въ управленіи есть злоупотребленіе верховной власти, въ видахъ личныхъ или частныхъ, или ради исполненія разныхъ затѣй и причудъ. Такъ на востокѣ не сомнѣнно и постоянно господствуетъ деспотизмъ;

но онъ бываетъ и въ конституціонномъ государствѣ, когда болѣе или менѣе ограниченное число избирателей изъ многочисленнаго населенія, назначаетъ его представителей; когда послѣдніе имѣютъ въ виду нужды и пользы не всего народа, а только того меньшинства, которое ихъ избираетъ, или когда администрація, чрезъ подкупъ деньгами, мѣстами, разными обѣщаніями и другими соблазнительными средствами, обеспечиваетъ себѣ большинство въ палатахъ, и затѣмъ правитъ государствомъ по своему усмотрѣнію. Деспотизмъ, и даже жестокій, бываетъ и въ республикѣ, когда бразды правленія захватываются немногими честолюбцами, властолюбцами или сребролюбцами, или когда одна какая либо партія забираетъ власть въ свои руки, не съ цѣлью общаго блага, а для достиженія своихъ частныхъ цѣлей. Франція, въ послѣднія восемьдесятъ пять лѣтъ, представила намъ образцы всѣхъ возможныхъ деспотизмовъ, изъ которыхъ иные своевольничили, грабили и казнили даже во имя свободы, равенства и братства. Но, и при самодержавіи, можетъ не быть деспотизма, что́ Россія, по временамъ, испытывала, и особенно въ первое десятилѣтіе нынѣшняго царствованія.

Ошибочно думать, что какой либо образъ правленія можетъ неминуемо обеспечить гражданамъ свободу, безопасность, гласность, равенство передъ закономъ и другія блага вожделенныя и необходимыя для человѣка. И самыя либеральныя монархическія конституціи и даже республиканскія учрежденія не всегда доставляютъ людямъ то, чего они желаютъ, и не рѣдко приводятъ ихъ къ тяжкимъ деспотизмамъ. Конечно нѣкоторые образы

правленія представляютъ болѣе вѣроятій къ удовлетворительному достиженію государственной цѣли, т. е. къ обеспеченію гражданамъ свободы и благосостоянія; но главное, самое важное — не въ формѣ, а въ сущности правленія. А эта сущность не вносится, не вкладывается, не сочиняется, а должна исходить изъ самаго народа, его жизни, его характера, его убѣжденій, его мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ, и развиваться согласно совокупнымъ ихъ требованіямъ.

Конечно совершеннѣйшею, идеальною формою правленія есть республика, т. е. самоуправленіе въ полномъ смыслѣ этого слова. Но вездѣ ли и во всякое ли время она возможна? Человѣчество вѣроятно къ ней идетъ; въ душѣ къ ней оно стремится; но путь до нея долгій, заставленный разными, едва преодолимыми препятствіями, и требующій на его совершеніе — столѣтія. — Противуположностью республикѣ есть самодержавная монархія. Прежде, въ томъ или другомъ видѣ, она существовала вездѣ; теперь же, изъ европейскихъ христіанскихъ государствъ, она сохранилась только въ Россіи. Безусловно осуждать самодержавіе — нельзя. Оно, правда, возбуждаетъ въ людяхъ скорѣе страхъ и поклоненіе, чѣмъ любовь и довѣріе, и внушаетъ скорѣе покорность чѣмъ преданность; но, при нѣкоторыхъ бытовыхъ условіяхъ, оно необходимо и много соотвѣтственнѣе того, чѣмъ ищутъ его замѣнить. Въ новѣйшія времена, возникъ въ Европѣ конституціонализмъ, т. е. попытка согласованія единодержавія съ народовластіемъ. Удачнѣйшій опытъ, въ этомъ смыслѣ, сдѣланъ въ Англіи: тамъ — мѣсто его рожденія; тамъ возникъ онъ самъ

собою, постепенно, изъ народныхъ нуждъ и согласно свойствамъ народнаго духа; а потому тамъ развился онъ вполнѣ естественно и доставилъ людямъ блага свободы, обезпеченности, самобытности и устойчивости. Не таковымъ оказался онъ, пересаженный на европейскій материкъ: за исключеніемъ двухъ маленькихъ государствъ Голландіи и Бельгіи, гдѣ особенныя обстоятельства помогли его водворенію, во всѣхъ прочихъ странахъ, конституціонализмъ далеко не доставилъ того, чего отъ него ожидали. Сочинены тутъ самыя либеральныя конституціи; устроены по двѣ палаты; избирательныя права даны всѣмъ гражданамъ; гласность предоставлена и совѣщаніямъ и суду и печати; министры объявлены отвѣтственными передъ палатами. Казалось все сдѣлано для достиженія желаемой цѣли; а между тѣмъ, настоящей свободы и гражданской обезпеченности на всемъ материкѣ — мало; а общаго благосостоянія — еще меньше.

И все это отъ чего? Отъ того, что ввести, учредить, создать какое либо прочное, сильное, духу и потребностямъ народа соотвѣтствующее управленіе — трудно, почти невозможно. Оно должно исходить изъ прошлой и настоящей жизни народа, корениться въ ней, ею питаться и удовлетворять ея нуждамъ — оно должно, такъ сказать, само собою народиться.

Не тотъ образъ правленія долженъ быть признанъ за лучшій, который носитъ то или другое названіе, а тотъ, который всего сроднѣе народу и всего болѣе даетъ ему возможности къ проявленію его мнѣній, желаній и воли. Сочинять образъ правленія — безразсудно: лучшій по компановкѣ, легко

можетъ оказаться худшимъ на дѣлѣ. Примѣръ Франціи, въ этомъ отношеніи, до высшей степени поучителенъ.

Для опредѣленія, какой образъ правленія и съ какими учрежденіями, долженъ быть, для извѣстной страны и въ данное время, признанъ лучшимъ, необходимо обратиться къ ея исторіи и къ изученію дѣйствительнаго ея положенія.

Если, въ этомъ отношеніи, мы нынѣ желаемъ получить удовлетворительный отвѣтъ касательно отечества нашего, то мы должны предложить себѣ слѣдующіе два вопроса:

Что́ являетъ намъ русская исторія?

Что́ показываетъ нынѣшнее наше положеніе?

Въ древней русской исторіи, мы видимъ, что народъ былъ не безгласенъ, имѣлъ вѣчи и призывалъ, по приговорамъ, къ себѣ князей; но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ испытывалъ разныя угнетенія и много страдалъ отъ княжескихъ междоусобій. А князья, въ эти времена, хотя и не были собственно самодержавны, хотя часто обращались къ народу за помощью и не рѣдко должны были исполнять его приговоры; однако они позволяли себѣ разныя своевольныя дѣйствія. Отличительною чертою этой эпохи было: совмѣстное проявленіе разныхъ народныхъ вольностей и княжескихъ самоуправствъ. Это вполнѣ естественно и понятно: ни народъ ни власть не были достаточно развиты, чтобы первому пользоваться надлежащею свободою, а послѣдней овладѣть всѣми мѣстными средствами. Впослѣдствіи, при владычествѣ у насъ Татаръ, а равно при стремленіи великихъ князей, и въ особенности московскихъ, къ водворенію единодержавія въ землѣ

русской, власть княжеская все болѣе и болѣе усиливалась. А народъ, страдая отъ татарскаго ига и княжескихъ междоусобій, попускалъ расширеніе верховной власти, лишь бы освободиться отъ чужеземнаго владычества, спасти землю и церковь отъ погибели, и прекратить брани и убійства между своими. При царяхъ, бывали земскія сборы; народъ могъ высказывать свои нужды и желанія; но самодержавіе росло, крѣпло и расширялось. Главными тому причинами были: нѣкоторые удержавшіеся татарскіе порядки, водворившееся единодержавіе и расширеніе границъ земли русской. Установившееся при этомъ прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ тяжело отозвалось на народномъ бытѣ вообще. Царствованіе Петра I было временемъ страшнѣйшаго деспотизма; крѣпостная зависимость была окончательно утверждена и распространена, до извѣстной степени, на всѣ состоянія. Власть Петра особенно усилило то обстоятельство, что онъ явился на Руси въ такое время, когда старые порядки отживали, и когда уже чувствовалась потребность въ обновленіи руководящихъ бытовыхъ началъ. Петръ, съ нѣсколькими своими сподручниками, посѣтивъ Европу, былъ очарованъ успѣхами и дѣйствіями тамошняго просвѣщенія, рѣшился пріобщить свою страну къ благамъ, имъ доставляемымъ, призвалъ оттуда много дѣльныхъ и искусныхъ людей, и тѣмъ соотвѣтствовалъ этой, смутно ощущавшейся тогда потребности обновленія; это въ особенности дало ему возможность безпощадно ломать старое, вводить новое и мало обращать вниманія на дѣйствительныя нужды и желанія народа. Но долго такое положеніе продолжаться не могло.

Изъ преемниковъ его, Екатерина II премудро поняла источникъ силы и славы самодержавія, обратила особенное вниманіе на народное благосостояніе, и принимала разныя мѣры къ его поднятію и упроченію (*). Въ послѣднее столѣтіе, особенно увеличивало, расширяло и укрѣпляло самодержавную власть то, что она, по развитію, почти постоянно шла впереди не только народной массы, но и такъ называемаго общества или дворянства. Опереживали эту власть только отдѣльныя личности, отличавшіяся своими способностями и знаніями, и чувствовавшія въ себѣ призваніе быть будильщиками русской мысли и жизни. Это свойство нашей верховной власти — идти во главѣ поступательнаго движенія страны, всего болѣе содѣйствовало къ усиленію самодержавія; что́ особенно глубоко было сознано Екатериною Великою и что́ утвердило ея славу и могущество въ Европѣ и внутри Государства. Признавая пользу и необходимость мѣстнаго самоуправленія вообще и въ особенности для обширной и разнообразной русской имперіи, великая эта государыня даровала его городамъ, губерніямъ и уѣздамъ; и считая дворянство передовымъ у насъ

(*) Нельзя безъ особеннаго сочувстія и удивленія читать слѣдующую статью Наказа великой Государыни: „Все сіе не можетъ понравиться ласкателямъ, которые по вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однакожъ Мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что Мы сотворены для Нашего народа и по сей причинѣ Мы обязаны говорить о вещахъ такъ, какъ онѣ быть должны. Ибо, Боже сохрани! чтобы послѣ окончанія сего законодательства былъ какой народъ больше справедливъ, и слѣдовательно больше процвѣтающъ на землѣ; намѣреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено: несчастіе до котораго Я дожить не желаю! (Наказъ Имп. Екатерины II ст. 520).

сословіемъ, она ожидала отъ него, въ этомъ дѣлѣ, существеннаго содѣйствія. Она также созывала сперва въ Москвѣ а потомъ въ Петербургѣ, депутатовъ отъ разныхъ сословій для составленія проэкта новаго Уложенія; а каковымъ, по ея предначертаніямъ, оно долженствовало быть, видно изъ даннаго ею этой коммиссіи Наказа. Съ цѣлью развитія самоуправленія, Императоры Александръ I-й и Николай I-й также расширили права дворянства по избранію членовъ полиціи и суда. Еще Екатерина II-я признавала необходимость уничтоженія крѣпостной зависимости крестьянъ и дворовыхъ людей; но она не считала этого преобразованія своевременнымъ; преемники же ея Александръ I-й и Николай I-й, раздѣляя тѣже убѣжденія, хотя и не рѣшались приступить къ коренной по этому предмету реформѣ, однако принимали разныя къ тому подготовительныя мѣры. Но дворянство мало содѣйствовало правительству по мѣстному самоуправленію и еще менѣе сочувствовало ему по прекращенію крѣпостнаго права на людей. Когда, въ нынѣшнее царствованіе, заявлено было, съ высоты престола, намѣреніе приступить къ ихъ освобожденію, то одни передовые люди съ сочувствіемъ отнеслись къ этому заявленію; а образованные, по выборамъ дворянства, губернскіе комитеты доказали какъ большинство его слабо раздѣляло благіе виды правительства. И земскія учрежденія и судебная реформа и другія либеральныя, истинно полезныя преобразованія, совершенныя въ нынѣшнее царствованіе, были приняты, но вовсе не вызваны нашимъ образованнымъ обществомъ: они прямо исходили изъ царской воли, и отнюдь не

были уступками общественному мнѣнію. Мы глубоко убѣждены, что освобожденіе крѣпостныхъ людей и прочія преобразованія совершились, притомъ съ такимъ успѣхомъ и быстротою, только по милости самодержавія (*), и что они, въ свою очередь, существенно содѣйствовали къ придачѣ ему бóльшей силы и крѣпости. Замѣчательно, что, на Руси, всего болѣе усиливали верховную власть реформы, произведенныя ею въ видахъ предоставленія народу большихъ правъ, и что въ эти времена самодержавіе было особенно могущественно. Впрочемъ, это вполнѣ понятно: источникомъ державной силы есть народъ; чѣмъ онъ живѣе и болѣе доволенъ, тѣмъ и источникъ богаче и производительнѣе. Внимательно всматриваясь въ нашу исторію, нельзя не быть пораженнымъ тѣмъ, что у насъ не было борьбы, какъ на западѣ, ни между верховною властью и народомъ, ни между его различными состояніями; что никакой его отдѣлъ не имѣлъ никогда преобладающаго значенія; и что народная сила проявлялась не иначе какъ исходящею изъ совокупности всѣхъ состояній. Такъ, въ 1612 и 1812 годахъ, совершены великія дѣла не тѣмъ или другимъ

(*) Еслибы нужно было доказывать, до какой степени дворянство, какъ сословіе, хотя и именующееся передовымъ, мало сочувствовало освобожденію крѣпостныхъ людей, то непровержимыми тому доводами могли бы служить проэкты, составленные по этому предмету, въ 1858 и 1859 годахъ, губернскими дворянскими комитетами и, сверхъ того, проэктъ о всесословной волости, сочиненный не отдѣльнымъ какимъ либо лицомъ и не въ какомъ либо захолустьѣ, а коммиссіею, избранною цѣлымъ дворянствомъ Петербургской губерніи. И послѣднее совершилось не до освобожденія крестьянъ и не тотчасъ послѣ него, а черезъ 14 лѣтъ послѣ этого великаго преобразованія — въ 1875 году! Это конечно не вѣроятно, но, къ прискорбію, вѣрно.

ваютъ у насъ свое значеніе и все менѣе и менѣе имѣютъ возможности отдѣльно служить правительству опорою при веденіи государственныхъ дѣлъ. Дворянство, даже въ тѣ времена, когда оно было на Руси единственнымъ, правами снабженнымъ сословіемъ, и когда, подъ вліяніемъ Монтескьё, правительство считало необходимымъ устроить въ государствѣ аристократію, не съумѣло или не могло воспользоваться благопріятными для него обстоятельствами, и сдѣлаться господствующимъ сословіемъ; теперь же, при все болѣе и болѣе утверждающейся, какъ въ Европѣ такъ и въ Россіи, всесословности или безсословности, дворянство конечно уже не можетъ разумно домогаться какой либо привилегированности. Впрочемъ, въ этомъ мы ни мало его не винимъ: всякія его, въ этомъ смыслѣ, попытки противурѣчили бы духу народному, остались бы безуспѣшными, и послужили бы только къ бо́льшему отчужденію его отъ русскаго народа вообще. — Крестьянство, возвращенное къ пользованію гражданскими правами, избирающее свои ближайшія начальства и своихъ ближайшихъ судей, участвующее въ земскомъ самоуправленіи и въ общемъ судѣ, и обучаемое грамотѣ — хотя ожило и начинаетъ чувствовать свою человѣчность и самобытность; однако оно еще не въ состояніи надлежащимъ образомъ справиться съ дарованными ему правами, а тѣмъ еще менѣе оказать дѣйствительное пособіе правительству по общему управленію. — Что касается до купечества, то, въ денежномъ отношеніи, оно имѣетъ несомнѣнное значеніе; но, по малому своему развитію и по ограниченности своихъ возрѣній, оно никакъ не можетъ

пріобрѣсти вѣскій голосъ въ дѣлахъ государственныхъ. Въ городахъ оно располагаетъ значительнымъ большинствомъ голосовъ; но и тутъ оно не можетъ справиться съ мѣстнымъ самоуправленіемъ. — О мѣщанствѣ и о духовенствѣ, уже переставшемъ быть сословіемъ — нечего и говорить какъ о политическихъ дѣятеляхъ. — Слѣдовательно, ни одно изъ существующихъ у насъ сословій не является исключительнымъ обладателемъ и представителемъ народной силы; они получаютъ её только въ совокупности, и только въ той мѣрѣ, въ какой они упраздняютъ себя въ отдѣльности и сливаются въ единый русскій народъ. А потому какъ мы прежде сказали, у насъ имѣются только двѣ дѣйствительныя государственныя силы: верховная власть и народъ въ полномъ смыслѣ этого слова т. е. какъ единство всѣхъ состояній, осуществляемое въ нашемъ безсословномъ земствѣ. Только на этихъ двухъ силахъ и на ихъ согласіи и единствѣ, можетъ основываться на Руси твердое и сильное правительство.

Очевидно, что, при существующихъ обстоятельствахъ, нельзя и думать объ устройствѣ у насъ того идеальнаго правленія, о которомъ мы выше упоминали; но не слѣдуетъ ли намъ попытаться, по примѣру западной Европы, на поприщѣ конституціонализма.

Конституціонализмъ есть такое государственное устройство, при которомъ верховная власть, по основнымъ законамъ, принадлежитъ государю обще съ палатами. Конституціонализмъ непремѣнно предполагаетъ въ государствѣ три силы: демократическую, аристократическую и монархическую. Первая

вообще малоимущая, малоправная хотя и весьма многочисленная, алчетъ перемѣнъ и пріобрѣтеній; а потому она побуждаетъ управленіе на разныя нововведенія. Вторая сила, вообще обладающая землею, разными богатствами и властью, и дорожащая удержаніемъ ихъ за собою, старается по возможности охранять все существующее и задерживать стремленіе къ преобразованіямъ. Наконецъ послѣдняя сила, т. е. монархическая имѣетъ обязанностью умѣрять, умиротворять, согласовать предъидущихъ двухъ дѣятелей, утверждать и приводить въ исполненіе законоположенія и принимать нужныя административныя мѣры. При этомъ, важнѣйшее условіе для успѣшнаго дѣйствія этихъ силъ, содержится въ надлежащемъ ихъ уравновѣшеніи и въ предоставленіи каждой изъ нихъ нужной и соразмѣрной доли власти. Слѣдовательно конституціонализмъ непремѣнно требуетъ разныя силы и нѣкоторое соревнованіе или борьбу между ними. Такъ въ Англіи, отечествѣ конституціонализма, верхняя и нижняя палаты являются представителями двухъ силъ: аристократической и демократической, т. е. по преимуществу крупнаго землевладѣнія и городовъ; и, въ завершеніе государственнаго устройства, имѣется власть короны, нѣкогда сильно боровшаяся а нынѣ только посредствующая между двумя, по существу своему, враждующими силами, и освящающая своимъ утвержденіемъ ихъ соглашенія. Вся дѣятельность парламента и королевской власти, носитъ на себѣ отпечатокъ этой борьбы и этихъ мировыхъ сдѣлокъ. Прежде въ Англіи всемогуща была власть королевская; потомъ взяла надъ нею верхъ аристократія; теперь демократія

все болѣе и болѣе завоевываетъ себѣ правъ, и аристократія держится только тѣмъ, что охранительныя начала тамъ вообще весьма сильны, и что она весьма разумно и благовременно дѣлаетъ уступки, непрестанно усиливающемуся и имѣющему еще болѣе усилиться демократизму. Въ остальной Европѣ, за исключеніемъ какъ мы выше сказали, Голландіи и Бельгіи, конституціонализмъ стоитъ на зыбкой почвѣ. Правда, идетъ тамъ борьба и даже ожесточенная между отжившею аристократіею, утрачивающимъ свое значеніе среднимъ сословіемъ, и возникающимъ четвертымъ сословіемъ, или вѣрнѣе выразиться, остальнымъ народомъ, которому хотя и предоставляются права, однако по большей части не обезпечивается ни пріюта, ни куска хлѣба; но такая борьба для конституціонализма вовсе непригодна. Для него требуется состязаніе двухъ, почти равныхъ силъ, и при томъ такихъ изъ которыхъ одна отстаивала бы то, что существуетъ, а не искала бы воскресить умершее; другая же разумно и законно двигала бы впередъ мѣстное и государственное управленіе. Но такихъ-то силъ тамъ нынѣ и не имѣется: одна, коснѣя въ стародавнихъ понятіяхъ и не признавая требованій обновленной жизни, тѣмъ сама себя хоронитъ; а другая, справедливо желая улучшенія своего быта, предъявляетъ требованія непомѣрныя, безразсудныя, поддерживаетъ ихъ даже насильями, грозитъ все вверхъ дномъ поставить, и тѣмъ почти уничтожаетъ свое значеніе. Такимъ образомъ эти обѣ силы сами себя упраздняютъ. Сверхъ того, для конституціонализма необходима монархическая власть, уважаемая и довольно прочная. Къ сожалѣнію, на всемъ запад-

номъ материкѣ, она утратила свою чарующую способность, почти всякую дѣйствительную силу, и если, по временамъ она оживаетъ, то вскорѣ опять слабѣетъ и даже изчезаетъ. Эта власть уже имѣетъ значеніе не сама по себѣ, а только по особеннымъ свойствамъ лицъ, ею облеченныхъ. Такая почва вовсе не благопріятна для конституціонализма и можетъ быть производительною только по статьѣ смутъ, безпорядковъ и революцій. Чѣмъ все это кончится — неизвѣстно; но положительно можно сказать, что конституціонализмъ, тѣсно сросшійся со всѣмъ бытомъ Англіи и великолѣпно тамъ дѣйствующій, не пуститъ глубокихъ корней на нашемъ материкѣ.

Въ Россіи конституціонализмъ безусловно невозможенъ. Для него тутъ нѣтъ никакихъ элементовъ: нѣтъ ни разнородныхъ силъ, ни слѣдовательно возможности какой либо борьбы и какого либо уравновѣшенія. Дворянство наше существуетъ только какъ „названіе"; средняго сословія просвѣщеннаго и самостоятельнаго — нѣтъ; крестьяне и мелкіе горожане, по неразвитости и разселенности, не составляютъ силы, могущей дѣйствовать отдѣльно. У насъ, какъ мы выше сказали, могуща верховная власть, опирающаяся на народъ; и могущъ народъ, ей довѣряющій и ей преданный. Слѣдовательно конституціонализмъ у насъ даже немыслимъ. Только нѣсколько молодыхъ людей, вполнѣ благонамѣренныхъ, но воспитанныхъ на французскихъ идеяхъ и плохо знавшихъ Россію, могли сочинять для нея конституцію, посылать её на просмотръ Бенжамена Констана и жертвовать собою для обезпеченія своему отечеству благъ конститу-

ціоннаго порядка. Только нѣсколько дворянъ, мечтавшихъ быть перами или лордами или, пожалуй, боярами, могли, послѣ освобожденія крестьянъ, думать о введеніи у насъ конституціоннаго образа правленія и говорить объ исходатайствованіи его у верховной власти. Нѣтъ! конституціи во 1-хъ, завоевываются а не даромъ получаются; онѣ должны исходить изъ народа а не падать съ неба; а во 2-хъ, онѣ требуютъ разнообразія дѣйствительныхъ а не мнимыхъ силъ. Ничего такого у насъ нѣтъ, и даже нѣтъ къ тому никакихъ задатковъ. Было вздумали русскіе сановники и вельможи возвести на императорскій престолъ Курляндскую герцогиню, съ условіемъ ограниченія самодержавной власти. Анна Іоанновна на все согласилась; но вступивъ на престолъ, она тотчасъ уничтожила подписанную ею грамоту и стала самодержавно править государствомъ. Если бы, съ чьей либо стороны, повторилась теперь подобная же попытка, то послѣдствіе было бы одинаковое: вѣнценосецъ, связанный какими либо внѣшними условіями, во всякое время, могъ бы уничтожить ихъ, къ великой радости народа и при громкихъ его рукоплесканіяхъ; особенно если бы онъ повторилъ слова императрицы Анны Іоанновны, что устраняетъ ограниченія особенно потому, что они препятствуютъ государю радѣть о пользахъ народа и въ особенности низшихъ его классовъ. Скажемъ болѣе: если бы самъ государь захотѣлъ теперь дать Россіи конституцію, въ родѣ тѣхъ, которыя существуютъ въ Европѣ, то чтó изъ этого бы вышло? Непремѣнно учредили бы верхнюю палату или сенатъ, котораго члены назначались бы верховною властью; эти сенаторы

или бояры набирались бы непремѣнно изъ людей, посѣдѣвшихъ на государственной службѣ, и слѣдовательно прошедшихъ всю школу угодливости, и изъ богачей дѣйствительныхъ или мнимыхъ, вѣкующихъ въ Петербургѣ, и потому эта палата была бы послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства; въ нижнюю палату вѣроятно были бы избраны земскіе люди, дѣльные и устойчивые; непремѣнно возникли бы пререканія между этими палатами, вооруженными правомъ рѣшительнаго голоса; соглашенія между ними были бы крайне затруднительны или почти невозможны; ибо одна представляла бы администрацію, и притомъ если и не нынѣшнюю, то весьма на неё похожую; другая же, избранная народомъ, заботилась бы о дѣйствительныхъ его нуждахъ; теченіе дѣлъ чрезъ то крайне бы замедлилось или и вовсе остановилось; и верховная власть, признавъ насъ недостаточно развитыми и еще не могущими пользоваться правами, которыя она желала намъ даровать, вынуждена была бы распустить палаты и болѣе ихъ не собирать; — однимъ словомъ повторилось бы нѣчто въ родѣ того, что случилось съ знаменитою Екатерининскою Коммиссіею (*) .Такимъ образомъ, новая

(*) Эта коммиссія, по составу своему, была очень хороша: въ ней засѣдали выборные отъ всѣхъ свободныхъ состояній въ государствѣ; но ей задано было дѣло непосильное: начертаніе (а не разсмотрѣніе и не обсужденіе) проэкта новаго Уложенія. И сверхъ того, установленъ былъ странный порядокъ дѣлопроизводства: читали тамъ очень много; говорили довольно мало; но собственно преній не было никакихъ. Слѣдовательно, коммиссія не исполнила своей задачи, не по винѣ ея членовъ, а по обстоятельствамъ, вовсе отъ нея независившимъ. — Вѣдь такъ легко всякое собраніе обезсилить, нравственно уничтожить; стоитъ только

ложь легла бы на толстый слой старыхъ неправдъ, и последня бѣда была бы горше прежнихъ.

Не осуществимъ у насъ конституціонализмъ въ западно-европейскомъ смыслѣ; но не возможенъ ли иной, въ русскомъ духѣ измѣненный, т. е. монархія, раздѣляющая верховную власть съ одною или двумя палатами, представляющими не двѣ силы, которыхъ у насъ нѣтъ, т. е. аристократической и демократической, а одну народную силу? Но такая монархія, вооруженная только правомъ veto, и имѣющая передъ собою народныхъ представителей, пользующихся рѣшительнымъ голосомъ, не была ли бы монархіею только по имени, а въ дѣйствительности республикою? Вся власть очевидно была бы въ рукахъ этой палаты или этихъ палатъ, хотя бы въ одной изъ нихъ часть членовъ назначалась даже верховною властью. При этомъ послѣднемъ устройствѣ, вышло бы одно изъ двухъ: или между палатами были бы непрестанныя и нескончаемыя столкновенія и пререканія, или палата непосредственныхъ народныхъ представителей взяла бы рѣшительный верхъ надъ другою палатою, которая превратилась бы въ камеру перовъ при Людвигѣ Филиппѣ, т. е. въ призрачное а не дѣйствительное учрежденіе. При утвержденіи за такой палатою или за такими палатами рѣшительнаго голоса, монархъ превратился бы въ наслѣдственнаго президента республики. Это положеніе, быть можетъ,

---

или указать ей цѣль недостижимую или ввести, въ порядокъ ея дѣлопроизводства, одно или два неумѣстныя правила; а между тѣмъ въ обычаѣ, особенно у насъ, винить не тѣхъ, по милости кого дѣло не могло идти, а тѣхъ, которые не исполнили невозможнаго.

оказалось бы удовлетворительнымъ и для монарха, освободившагося отъ страшной, нынѣ на немъ лежащей отвѣтственности, и для народа, обезпеченнаго отъ самодержавныхъ капризовъ, могущихъ не нынѣ, такъ завтра проявиться; быть можетъ, такой образъ правленія, когда нибудь и установится въ Россіи; но это время придетъ не скоро, а теперь, и даже въ близкой будущности, онъ совершенно невозможенъ. Для осуществленія такого порядка на дѣлѣ, необходимо значительное и притомъ общее развитіе умовъ, характеровъ, гражданскихъ добродѣтелей и пр. Не намъ, едва выходящимъ изъ крѣпостной зависимости, мечтать о томъ, что́ едва достигается въ мірѣ немногими народами, извѣковавшими на полѣ свободы и ради ея много потрудившимися. Теперь стремиться намъ къ этому — значило-бы предпринимать на челнокѣ кругосвѣтное путешествіе или хотѣть руками достать луну.

При такихъ обстоятельствахъ и при ощущаемой почти всѣми крайней тяжести нынѣшняго нашего положенія, что́ остается намъ дѣлать? Конечно не пускаться въ океанъ мечтательныхъ попытокъ, твердо стоять на дѣйствительной, подъ нами находящейся почвѣ, крѣпко и искренно держаться существующаго у насъ самодержавія, и только озаботиться предоставленіемъ ему возможности дѣйствовать сознательно, свободно и устойчиво.

Что такое самодержавіе? Оно вовсе не есть для государя право и возможность дѣлать то, что́ ему придетъ въ голову, исполнять всякія затѣи и чуждаться всякаго вліянія извнѣ. Нѣтъ! человѣкъ особенно свободенъ тогда, когда онъ побѣждаетъ свои влеченія и желанія, не боится выслушивать

рѣчи и совѣты другихъ, и исполняетъ даже чуждую волю, въ разумности и пользѣ которой онъ убѣждается. Самодержавіе въ вѣнценосцѣ есть тоже, что́ въ каждомъ человѣкѣ — право дѣйствовать по своему выбору, который долженъ совершаться по указаніямъ разу́ма и совѣсти. Но одно обстоятельство значительно усложняетъ и затрудняетъ положеніе государя. Человѣкъ, распоряжаясь своими дѣлами, несетъ самъ отвѣтственность за свои ошибочныя или легкомысленныя дѣйствія; таковыя же рѣшенія и распоряженія вѣнценосца ложатся тяжкимъ бременемъ на другихъ — на его подданныхъ. Слѣдовательно, если сознательно и разумно дѣйствовать, есть обязанность каждаго человѣка и прямая его въ томъ выгода, то для государя эта обязанность несравненно неотклоннѣе и выгода несравненно значительнѣе.

Самодержецъ, какими бы способностями ни обладалъ и какіе бы труды на себя ни возлагалъ, не можетъ ни всего знать, ни всего придумать, ни всего сдѣлать. Онъ необходимо долженъ, *черезъ другихъ*, узнавать, придумывать и дѣйствовать. Онъ не въ состояніи, въ пространномъ и многонаселенномъ государствѣ, знать лучшихъ людей, т. е. тѣхъ, которымъ слѣдовало бы быть во главѣ управленія. Онъ узнаетъ людей случайно и поверхностно, т. е. только тѣхъ, которые попадаются ему на глаза, и только такъ, какъ имъ выгодно себя ему показать. Можетъ ли онъ при этомъ имѣть надлежащее понятіе о своихъ подданныхъ, питать къ нимъ надлежащее уваженіе и избирать изъ нихъ способнѣйшихъ? Самодержецъ находится въ невозможности знать самъ собою не только всѣ

мѣстности, ихъ нужды и желанія, но и одну какую либо мѣстность такъ, какъ она дѣйствительно есть; все что́ онъ узнаетъ, доходитъ до него смутно, не вѣрно, путемъ оффиціальныхъ рапортовъ или одностороннихъ доносовъ или отрывочныхъ, случайныхъ извѣщеній и заявленій не свободной а произвольно и часто безразсудно стѣсненной гласности; и даже изъ этихъ извѣщеній и заявленій доходитъ до самодержца только то, что́ и какъ его приближеннымъ угодно ему показать. Въ состояніи ли онъ, при такомъ порядкѣ вещей, что́ либо знать вѣрно, многосторонне, доподлинно? — Но чтобы вести дѣла, мало еще ихъ знать, необходимо соображать разныя къ нимъ относящіяся обстоятельства, подвергать ихъ многостороннему обсужденію, придумывать лучшій исходъ для каждаго дѣла, и уже за тѣмъ приступать къ окончательному его рѣшенію. Очевидно, что такой трудъ не подъ силу не только самодержцу, но и совокупности людей, его окружающихъ, вѣкующихъ на одномъ мѣстѣ, незнакомыхъ съ дѣйствительнымъ ходомъ дѣлъ — людей, заваленныхъ кипами писанныхъ и печатныхъ бумагъ и едва успѣвающихъ подписывать и отъ себя сталкивать дѣла неотложныя. Могутъ ли они вникать въ ихъ сущность? Въ состояніи ли они принимать въ соображеніе потребности и желанія мѣстностей, извѣстныхъ имъ только по имени? Доступно ли для такихъ людей принятіе мѣръ простыхъ, прямыхъ, изъ самаго дѣла истекающихъ? Могутъ ли они быть для самодержца полезными помощниками, докладчиками, совѣтниками и исполнителями?

Самодержавіе, какъ и всякое правительство, чтобы быть сильнымъ, плодотворнымъ и всѣми

уважаемымъ, должно имѣть сколь возможно вѣрныя, обстоятельныя и живыя свѣдѣнія о всѣхъ частяхъ управляемаго имъ государства, и должно сосредоточивать въ себѣ лучшихъ людей страны.

Для достиженія перваго требованія, недостаточны никакія собираемыя статистическія свѣдѣнія, никакія, даже самыя добросовѣстныя донесенія оффиціальныхъ лицъ: статистика не можетъ обхватывать всѣ стороны народной жизни; а правительственные агенты, по своему положенію, все видятъ съ одной только стороны и отъ нихъ ускользаетъ то, что́ для законодателя и для высшей администраціи всего важнѣе — сущность народнаго быта. Указанная цѣль можетъ быть достигнута только чрезъ представителей каждой мѣстности, входящей въ составъ государства; и это тѣмъ необходимѣе, чѣмъ государство обширнѣе и разнообразнѣе. Ничто не можетъ замѣнить этихъ представителей, ибо только они въ состояніи, по каждому дѣлу, возникающему и подлежащему рѣшенію, сообщать надлежащія свѣдѣнія, высказывать и защищать живыя мнѣнія мѣстностей и указывать на вѣроятныя дѣйствія принимаемыхъ мѣръ. Эти лица не могутъ быть назначаемы правительствомъ, ибо оно незнаетъ лучшихъ людей каждой мѣстности, и такими представителями не должны считаться люди, избранные для другаго дѣла, а не съ цѣлью высказывать мнѣнія, дѣлать правительству предложенія, ихъ разъяснять и защищать. Настоящіе представители должны быть избираемы своими мѣстностями ad hoc, т. е. собственно для выраженія общественнаго мнѣнія своихъ мѣстностей. Притомъ они должны бы собираться не случайно, не при замкнутыхъ дверяхъ

и не по какимъ либо отдѣльнымъ вопросамъ; а постоянно, подъ контролемъ гласности, по всѣмъ законодательнымъ вопросамъ и по нѣкоторымъ особенно важнымъ общимъ административнымъ дѣламъ (*).

Вторая нами указанная цѣль, т. е. сосредоточеніе въ составѣ правительства, лучшихъ людей страны, достигнется сама собою, если только будутъ созваны народные представители. Теперь безпрестанно слышимъ на Руси жалобы на недостатокъ людей; и дѣйствительно ихъ какъ будто очень мало. Чѣмъ менѣе будутъ давать имъ возможности выказываться и образовываться, и чѣмъ

(*) Въ нынѣшнемъ году, правительство вызвало въ Петербургъ *нѣкоторыхъ* предсѣдателей губернскихъ управъ, *нѣкоторыхъ* губернскихъ предводителей дворянства, *нѣкоторыхъ* городскихъ головъ и *нѣсколькихъ* промышленниковъ, для разсмотрѣнія и обсужденія проэктовъ о наймѣ рабочихъ и прислуги. Признаться, не многаго мы ожидаемъ отъ этого вызова. Не понимаемъ, чѣмъ руководствовалось правительство при вызовѣ однихъ и не вызовѣ другихъ земскихъ, дворянскихъ и городскихъ избранниковъ. Не понимаемъ также, какъ могло оно считать представителями общественнаго мнѣнія людей, избранныхъ совершенно для другаго дѣла. Къ тому же извѣстно, что, въ первое время, гласные или депутаты не скоро между собою знакомятся, стараются узнавать не только дѣло, которымъ они должны заниматься, но и воззрѣнія на него своихъ товарищей и правительственныхъ агентовъ, и обыкновенно тратятъ много времени на первоначальныя объясненія и пренія; а потому вовсе не удивительно, если созванные предсѣдатели управъ, губернскіе предводители и прочіе излюбленные администраціею люди, въ двухмѣсячныя свои засѣданія, мало содѣйствовали къ улучшенію предложенныхъ на ихъ разсмотрѣніе проэктовъ. Сверхъ того, какъ будто въ вящее обезпеченіе малоуспѣшности ихъ работъ, какою то странною тайною прикрыты были всѣ совѣщанія этой коммиссіи. Изъ газетъ мы узнавали только, что она усердно собиралась и что такіе-то номера статей ею разсмотрѣны; все же остальное тщательно скрывалось отъ гласности.

тщательнѣе будутъ устранять людей самостоятельныхъ, тѣмъ конечно число настоящихъ дѣятелей будетъ сокращаться. Чѣмъ тѣснѣе кругъ лицъ, изъ которыхъ назначаются высшіе сановники, тѣмъ выборъ ихъ затруднительнѣе и неудовлетворительнѣе. Если бы верховная власть рѣшилась созвать представителей земли русской, не исключая и окраинъ, то, нѣтъ сомнѣнія, что и народъ постарался бы избрать въ это званіе лучшихъ своихъ людей; и тогда конечно оказалось бы, что въ людяхъ нѣтъ недостатка. Тутъ, въ общей думѣ, эти люди не замедлили бы заявить свои способности и словомъ и дѣломъ; и верховной власти предстоялъ бы лишь трудъ выбора.

Но черезъ такой созывъ не ограничатся ли права самодержавія?

Предлагая этотъ созывъ или учрежденіе общей земской думы, мы вовсе не имѣемъ въ виду ни англійскаго парламента, ни иныхъ конституціонныхъ палатъ. Мы желаемъ только, чтобы правительство не грѣшило *по невѣдѣнію*; чтобы верховная власть была свободна въ выборѣ высшихъ сановниковъ, и не вынуждена ихъ брать изъ числа людей, которые случайно ей сдѣлались извѣстными; чтобы она могла сознательно рѣшаться по дѣламъ, ея вершенію подлежащимъ; и чтобы народъ имѣлъ возможность, законнымъ путемъ, высказывать свои мнѣнія по общимъ дѣламъ, приносить жалобы на испытываемыя имъ стѣсненія и угнетенія, и представлять свои ходатайства, т. е. чтобы Россіи вообще даны были права въ родѣ тѣхъ, которыя уже дарованы уѣзднымъ и губернскимъ земствамъ, или чтобы былъ учрежденъ земскій совѣтъ въ родѣ

нынѣ существующаго государственнаго совѣта, который высказываетъ только свои мнѣнія, не имѣющія сами по себѣ никакой обязательной силы и получающія её только по высочайшемъ ихъ утвержденіи. Мы вовсе не хотимъ, чтобы этой общей думѣ было предоставлено право отказывать правительству во взиманіи налоговъ и сборовъ или отдавать министровъ подъ судъ. Но мы думаемъ, что было бы весьма полезно и для самодержавія и для народа, если бы всѣ проэкты законовъ непремѣнно подвергались предварительному обсужденію въ собраніи народныхъ представителей, ибо тогда первому не приходилось бы утверждать законы неудобоисполнимые, а послѣднему искать отъ нихъ спасенія только въ ихъ неисполненіи; если бы государственныя смѣты доходамъ и расходамъ и отчеты государственнаго контроля проходили предварительно чрезъ думскія коммиссіи, были тамъ обстоятельно разсматриваемы, и съ заключеніями думы представляемы на высочайшее утвержденіе. Все это ни мало не ограничило бы правъ самодержавія; напротивъ того, мѣстныя и общія свѣдѣнія, которыя были бы сообщены народными представителями; многостороннее и гласное обсужденіе предполагаемыхъ законоположеній и правительственныхъ мѣръ; и близкія, прямыя отношенія, которыя установились вы между народомъ и верховною властью — значительно бы её разширили, усилили и утвердили какъ внутри государства, такъ и въ ея сношеніяхъ съ другими державами.

Пострадаетъ, уменьшится, ограничится власть только безчисленнаго множества мелкихъ самодержцевъ — самозванцевъ, которыхъ преисполнена

Россія, въ лицѣ становыхъ приставовъ, исправниковъ, губернаторовъ, столоначальниковъ, начальниковъ отдѣленій, директоровъ и пр. пр. пр. Отъ этого не проиграетъ а много выиграетъ самодержавіе; ибо ничто такъ его не ослабляетъ, не роняетъ и такъ ему не вредитъ, какъ своеволіе, самодурство его агентовъ. Чѣмъ ниже спускаемся по іерархической лѣстницѣ, тѣмъ болѣе встрѣчаемъ деспотическихъ выходокъ, прикрываемыхъ обязанностью или исполненія какихъ-то конфиденціальныхъ предписаній начальства или поддержанія достоинства власти. Къ несчастью, съ этими-то слугами и охранителями самодержавія, приходится народу имѣть всего болѣе и всего чаще дѣло; а потому и не мудрено что, глубоко преданный своему государю, онъ не питаетъ ни любьви, ни уваженія къ правительству вообще, и не считаетъ грѣхомъ его обманывать, отъ него укрываться и не исполнять его приказаній. Можно положительно сказать, что не только дума, нами предпологаемая, но и никакой парламентъ такъ не ограничитъ верховной власти, какъ её стѣсняютъ и подтачиваютъ издаваемые неудобоисполнимые законы и самоуправство огромнаго большинства чиновниковъ.

Не понимаемъ, почему самодержавію въ особенности считаютъ необходимымъ придавать свойство „неограниченности?“ Это свойство неотъемлемо принадлежитъ всякому правительству; ибо, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ въ республикахъ бываютъ диктатуры, такъ и въ конституціонныхъ государствахъ пріостанавливается обычное дѣйствіе законовъ. Но и въ самодержавныхъ монархіяхъ, въ обыкновенныя времена, должны дѣйствовать

законы и немыслимо господство сверхзаконнаго произвола или отсутствіе постоянныхъ законовъ. Такіе порядки, правда, существуютъ на востокѣ; но о тамошнихъ деспотизмахъ нечего и говорить: они почти не могутъ называться правительствами; смуты, неустройства и безсиліе составляютъ необходимыя принадлежности ихъ быта, и окончательное ихъ изчезновеніе съ лица земли есть, въ будущемъ, непремѣнный ихъ удѣлъ. Вообще же, въ мірѣ разумномъ, легче понять неограниченную республику, хотя конечно не желательно жить въ таковой, чѣмъ неограниченную монархію. Въ первой властвуютъ всѣ; слѣдовательно, и въ силахъ и въ способностяхъ, недостатка нѣтъ; но можетъ тутъ быть большой недостатокъ въ порядкѣ и согласіи, т. е. анархія; въ монархіи же предержателемъ, источникомъ власти — одинъ. Этотъ одинъ есть человѣкъ; слѣдовательно ограниченность въ умственномъ, нравственномъ и физическомъ отношеніи есть удѣлъ его, какъ и всѣхъ прочихъ смертныхъ. Въ своихъ частнымъ дѣлахъ, мы часто ошибаемся по невѣденію и несоображенію всѣхъ, къ нимъ относящихся, обстоятельствъ, и по слабосилію нашей единичной воли и дѣятельности; какъ же предполагать въ одномъ человѣкѣ, какъ бы щедро онъ ни былъ одаренъ отъ природы, способность и возможность удовлетворительнаго имъ веденія общихъ дѣлъ значительнаго государства?

Что же люди хотятъ выразить, присоединяя къ самодержавію прилагательное „неограниченное.“ Вѣроятно то, что оно можетъ *дѣлать все, что хочетъ.* Но какъ нельзя предполагать въ немъ отсутствія ни разума, ни желанія содѣйствовать по

возможности ко благу страны, имъ управляемой, то вышеупомянутое понятіе о самодержавіи должно быть выражено такъ: оно можетъ дѣлать все, что́ *разумно* хочетъ *для блага своей страны.* — Неужели кто-либо рѣшится приписывать уму самодержца всевѣденіе и непогрѣшимость, а его воли — возможность всегда и вездѣ проявлять свои изволенія? Очевидно, что самодержцу необходимо устанавливать общія правила для веденія дѣлъ, и уполномочивать другихъ на исполненіе этихъ, имъ утвержденныхъ правилъ, а равно и на принятіе нѣкоторыхъ мѣръ, не подлежащихъ законодательному дѣйствію. Самодержецъ дѣйствуетъ свободнѣе и самостоятельнѣе тогда ли, когда онъ назначаетъ своихъ уполномоченныхъ изъ сотенъ людей, почему-то сдѣлавшихся ему извѣстными; когда онъ даетъ имъ наказы, ими же составленные и ими же, только въ иномъ помѣщеніи, при замкнутыхъ дверяхъ, одобренные; и когда эти отъ него довѣренныя лица дѣйствуютъ почти безконтрольно, по безгласію жителей, по обширности государства и по бумажности дѣлопроизводства; или тогда, когда, для завѣдыванія тою или другою частью или мѣстностью, самодержецъ назначаетъ сановниковъ изъ нѣсколькихъ тысячь людей, *выдвинутыхъ общественнымъ мнѣніемъ*; когда правила дѣйствія какъ для управляющихъ такъ и для управляемыхъ, т. е. когда законы составляются при всеобщей гласности, съ помощью и тѣхъ и другихъ, и восходятъ на высочайшее утвержденіе уже всѣсторонне разсмотренные и обсуженные, и когда исполнители этихъ законовъ дѣйствуютъ не подъ случайнымъ и отрывочнымъ надзоромъ власти, а подъ постояннымъ наблюденіемъ общественнаго

мнѣнія, прямо заинтересованнаго въ общемъ благосостояніи? — Нѣтъ сомнѣнія, что, въ послѣднемъ случаѣ, самодержецъ дѣйствуетъ несравненно свободнѣе и самостоятельнѣе, чѣмъ въ первомъ.

Отъ чего же видимая, кажущаяся неограниченность власти, въ глазахъ многихъ, предпочтительнѣе, вожделеннѣе дѣйствительной ея свободы и самостоятельности? Отъ того, въ 1-хъ, что девять десятыхъ, если не больше, судятъ о вещахъ по внѣшности а не по ихъ сущности; во 2-хъ, что въ русскихъ имѣется страшное и грустное пристрастіе къ разгулу произвола и какъ будто отвращеніе отъ законности — свойства, конечно намъ не прирожденныя, но сильно развитыя нашимъ донынѣшнимъ бытомъ; наконецъ въ 3-хъ, отъ того, что мы, по неразвитости или легкомыслію, недостаточно сознаемъ тягость отвѣтственности, нами на себя принимаемой, за личныя, безъ многосторонняго испытанія и разбора, совершаемыя дѣйствія. Мы глубоко убѣждены, что самодержецъ тѣмъ свободнѣе, самостоятельнѣе и могущественнѣе, чѣмъ съ большимъ сознаніемъ онъ можетъ избирать своихъ агентовъ, утверждать законы и рѣшать дѣла высшей администраціи. Также убѣждены и въ томъ, что самодержецъ, имѣющій въ виду только людей, состоящихъ на казенной службѣ, узнающій и обсуждающій все только чрезъ умы оффиціальные, и отдѣленный отъ народа мертвящимъ дѣйствіемъ бюрократизма, далеко не неограниченъ, не свободенъ и не самостоятеленъ, а напротивъ того, крайне ограниченъ невѣденіемъ, въ которомъ онъ обрѣтается, — весьма мало свободенъ и вовсе не самостоятеленъ, вслѣдствіе заключенности его въ тѣс-

номъ кружкѣ царедворства и бюрократіи. Едва ли такъ называемый неограниченный самодержецъ не болѣе ограниченъ въ своей дѣятельности чѣмъ большинство его подданныхъ.

Самодержавіе вовсе не нуждается въ разгулѣ произвола; напротивъ того, этотъ разгулъ, тяжкій для народа, особенно убыточенъ, вреденъ, разрушителенъ для самодержавія. Мудрый, потребностямъ народа соотвѣтственный законъ, и укоренившійся обычай его исполнять, приводитъ въ дѣйствіе волю верховной власти постоянно, повсѣмѣстно и при содѣйствіи всѣхъ гражданъ. Приказанія разгульнаго произвола исполняются только тогда и тамъ, гдѣ и пока надзоръ, кара и насиліе обеспечиваютъ ихъ приведеніе въ дѣйствіе. Изъ этого легко заключить, въ которомъ изъ этихъ двухъ положеній, самодержавная власть дѣйствительнѣе, шире, сильнѣе и крѣпче. При безгласіи или слабогласіи народа, при необходимости все видѣть и слышать только чужими, и при томъ далеко не безпристрастными, не зоркими глазами и не чуткими ушами, и при неизбѣжности все рѣшать безъапелляціонно, положеніе самодержца — ужасно. Отвѣтственность нравственная, болѣе тяжкая чѣмъ всякая матеріальная, ложится неудобоносимымъ бременемъ на совѣсть самодержца. Издали и снизу положеніе его можетъ казаться завиднымъ и исполненнымъ всякаго блаженства. Творить свою волю; никого, кромѣ Бога, не имѣть надъ собою; и быть окруженнымъ людьми, считающими за счастіе исполнять священную волю самодержца — что̀ казалось бы вожделеннѣе? — А на дѣлѣ что выходитъ? —

Самодержецъ, желающій исполнять свою именно волю и этимъ дорожащій, никогда и ни въ чемъ ея не исполняетъ: Онъ можетъ осуществлять свои капризы, т. е. свои затѣи и причуды; но разумно и плодотворно дѣйствовать своимъ произволомъ — это для него невозможно. Деспотъ, узнающій все только черезъ своихъ приставниковъ, знаетъ только то, что́ и какъ имъ угодно ему доложить; окруженный ими и сообщающійся съ народомъ только чрезъ нихъ, онъ находится вполнѣ въ ихъ рукахъ; обязанный утверждать въ день по сотнѣ и болѣе докладовъ, мнѣній и положеній, онъ хотя и сообщаетъ имъ силу обязательности, однако дѣйствуетъ, въ этомъ случаѣ, болѣе машинально чѣмъ сознательно и исполняетъ не свою а волю слугъ своихъ. Къ тому же онъ, какъ будто поставленный внѣ дѣйствія на него страха, опасается чуть чуть не всего; и этимъ особенно пользуются люди, алчущіе его охранять отъ мнимыхъ или нарочно вымышленныхъ ими опасностей. При ночной темнотѣ, и самому мужественному человѣку, вещи часто являются не въ настоящемъ а въ призрачномъ видѣ, и наводятъ на него невольный, напрасный страхъ. Такъ и при деспотизмѣ, т. е. при вынужденномъ безмолвіи и бездѣйствіи людей, всякій звукъ и всякое дѣйствіе кажутся преступными, даже грозными и внушаютъ страхи. И на дѣлѣ выходитъ, что самодержецъ, по имени и положенію, оказывается въ дѣйствительности несчастнѣйшимъ человѣкомъ своего государства.

Вовсе не таковъ настоящій самодержецъ. Онъ можетъ быть свободнѣйшимъ, всего болѣе и всего лучше знающимъ и всѣхъ мудрѣе повелѣвающимъ

человѣкомъ въ своемъ государствѣ. Средства къ тому въ его рукахъ. Основнымъ условіемъ къ приведенію въ дѣйствіе этихъ средствъ есть утвержденіе за гражданами законной, широкой, по возможности, свободы и полной обеспеченности ихъ личныхъ и имущественныхъ правъ. А это достигается только установленіемъ законовъ, соотвѣтствующихъ потребностямъ народа, и точнымъ, добросовѣстнымъ исполненіемъ этихъ законовъ. Первое возможно только при участіи, въ этомъ дѣлѣ, самаго народа, ибо онъ одинъ знаетъ что̀ ему нужно; а законы, составленные теоретически или бюрократически, хотя бы ихъ творцами были люди умнѣйшіе и вполнѣ добросовѣстные, не въ состояніи надлежащимъ образомъ удовлетворить народныя нужды, и потому остаются на бумагѣ и не переходятъ въ дѣло. Исполненіе же законовъ обусловливается конечно ихъ практичностью, но и тѣмъ, какъ на нихъ смотрятъ люди, которыхъ прямая обязанность заключается въ приведеніи этихъ законовъ въ дѣйствіе. Строжайшими, точнѣйшими ихъ исполнителями должны быть самъ самодержецъ и его агенты. Далека отъ нихъ должна быть мысль, что они стоятъ выше закона, что могутъ, при исполненіи, его исправлять и измѣнять, и что ему вполнѣ подчиняться есть обязанность только управляемыхъ а не управляющихъ. Благоговѣніе передъ закономъ должно исходить изъ высшихъ сферъ, и только тогда оно утверждается и въ низшихъ слояхъ народа. При свободѣ, люди будутъ безбоязненно и откровенно говорить правду, искренне полюбятъ законы, утверждающіе ихъ благосостояніе и сочтутъ долгомъ совѣсти свято исполнять сущест-

вующія постановленія. При такомъ положеніи, самодержецъ будетъ слышать и знать что́ дѣйствительно есть и происходитъ въ его странѣ, что́ ей нужно, какъ ей помочь и какъ все это на самомъ дѣлѣ исполняется. Тогда онъ будетъ въ возможности *сознательно* утверждать какъ законы, такъ и важныя административныя мѣры, и *дѣйствительно* наблюдать за ихъ исполненіемъ — тогда онъ будетъ настоящимъ и полнымъ самодержцемъ(*).

А какимъ могуществомъ будетъ обладать такой самодержецъ въ отношеніи къ другимъ державамъ! Политика русская не можетъ не быть либеральною. Только при этомъ условіи, она будетъ соотвѣтствовать интересамъ страны и обеспечитъ ей сильное и плодотворное вліяніе на Европу. Въ этомъ духѣ Россія дѣйствовала въ отношеніи къ народамъ бывшимъ и еще находящимся подъ игомъ Турціи. Такой же политикѣ слѣдовалъ императоръ Александръ I-й при умиротвореніи Европы въ 1812—1815 годахъ. И въ этихъ случаяхъ Россія была дѣйствительно могуча. Но какъ скоро мы поддавались вліянію Меттерниха и ему подобныхъ, дѣйствовали въ духѣ враждебномъ народамъ, и вооб-

---

(*) Замѣчательны многія мысли, изложенныя, еще въ 1767 году, въ Наказѣ сочиненномъ самою Императрицею Екатериною Великою, и данномъ коммиссіи для начертанія проэкта новаго Уложенія. Эта мудрая государыня вѣрно и глубоко поняла пользы и выгоды самодержавія и не опасалась говорить въ своемъ Наказѣ, о вольности и о томъ, что граждане должны чувствовать себя обеспеченными и „никого кромѣ законовъ не бояться.“ Эти мысли великой государыни такъ сильны и полновѣсны что, въ подкрѣпленіе нами высказаннаго о самодержавіи, мы позволяемъ себѣ, въ видѣ приложенія, помѣстить ниже выписку нѣкоторыхъ статей изъ упомянутаго Наказа.

ражали быть призванными полицеймейстерами Европы, то тотчасъ наше вліяніе сокращалось, мы возстановляли противъ себя народы, а тамошніе кабинеты, всегда къ намъ не расположенные (*), пользовались первымъ случаемъ для образованія тайныхъ или явныхъ, молча или формально заключенныхъ союзовъ противъ насъ, во имя цивилизаціи противъ варварства и вымышленныхъ ими для насъ завоевательныхъ замысловъ. Дорого мы уже поплатились за эти наши ошибки и вынуждены были, въ началѣ нынѣшняго царствованія, осудить себя на временное бездѣйствіе. Прекрасно и чрезвычайно ловко и вѣрно выражено это наше положеніе въ извѣстной фразѣ кн. Горчакова: la Russie se recueille. Да! намъ нужно было сосредоточиться! Европейскіе кабинеты и сама либеральная Англія еще долго будутъ слѣдовать политикѣ узко-себялюбивой и вообще неблагопріятной для народовъ. Тамъ еще господствуютъ остатки феодализма и средняго сословія (tiers-état), а остальный народъ еще продолжаетъ считаться массою удоботѣснимою; что̀ и вызываетъ съ ея стороны разнаго рода движенія и открытые бунты. Россія можетъ стать во главѣ Европы только подъ условіемъ прямаго и

(*) Кабинеты великихъ державъ западной Европы хлопочутъ, каждый для себя, о захватѣ первенства надъ прочими; но они чувствуютъ, что это первенство ускользаетъ изъ ихъ рукъ и переходитъ къ державѣ, которую, и по образованію и по финансовымъ средствамъ, они считаютъ ниже себя, и которая, иногда сознательно а часто и безсознательно, руководствуется инымъ какимъ-то духомъ. Это глубоко оскорбляетъ европейскіе кабинеты и ихъ противъ насъ вооружаетъ. Они, въ отношеніи къ намъ, вѣжливы, даже искательны; но горе намъ, если мы повѣримъ дружбѣ хотя одного изъ нихъ! Съ искреннымъ сочувствіемъ относятся къ намъ одни сѣвероамериканскіе штаты.

искренняго вступленія ея на путь общенародныхъ интересовъ; что́ ей, и только ей, возможно и удобно, по ея дѣйствительной безсословности и по ея самодержавію, опирающемуся на народъ вообще. И тогда какая будетъ у насъ сила! Не одни Славяне, которыхъ насчитывается до 30 милліоновъ, съ любовью и довѣріемъ къ намъ обратятся, но и народныя массы другихъ племенъ отнесутся къ намъ сочувственно.

Но желательно ли, выгодно ли для русскаго народа самодержавіе даже въ послѣднемъ, нами представленномъ видѣ? Конечно полное самоуправленіе есть для людей вообще вожделеннѣйшій образъ правленія; но въ нашей громадной, до крайности разнообразной, разнохарактерной и вовсе не одинаково развитой странѣ, республика, какъ мы выше сказали, даже немыслима. Мы видѣли также, что конституціонализмъ ни въ какомъ видѣ у насъ неосуществимъ. Слѣдовательно возможно у насъ только то, что въ дѣйствительности существуетъ, т. е. самодержавіе. Народъ это вѣрно чуетъ; все отъ него ожидаетъ и ему вѣритъ; вотъ почему онъ горячо любитъ своего государя и глубоко ему преданъ. Если въ отдѣльныхъ личностяхъ и даже въ нѣкоторыхъ народныхъ отдѣлахъ, эта любовь и преданность поколеблены; то причинами тому какъ начатое и недоконченное изученіе и обсужденіе того, что́, въ правительственномъ отношеніи, требуется для нашей страны, такъ и безалаберныя, неустойчивыя и стѣснительныя дѣйствія правительственныхъ агентовъ. Особенно должно привязывать народъ къ самодержавію то, что его интересы совершенно совпадаютъ съ общими интере

сами народа. Тогда какъ интересы и дворянства и купечества и даже крестьянства, часто расходятся съ общими интересами народа, а иногда и вовсе имъ противуположны; интересы хорошо понятые самодержавія безусловно тождественны съ интересами всего народа. Имъ только сильно самодержавіе; а потому оно должно всѣми силами и способами содѣйствовать къ народному развитію въ умственномъ, нравственномъ, земледѣльческомъ, промышленномъ и торговомъ отношеніи; каковое развитіе теперь болѣе чѣмъ когда либо возможно только при свободѣ и обеспеченности гражданъ. Слѣдовательно, чтó дорого и необходимо для народа, то должно быть такимъ же и для самодержавія. Слѣпы тѣ, которые этого не видятъ, и равно преступны какъ ищущіе поколебать верховную власть или словомъ или дѣломъ, такъ и стремящіеся её разширить и утвердить на счетъ правъ народныхъ.

Но чтó обеспечиваетъ народъ въ томъ, что самодержецъ дѣйствительно пойметъ свои настоящія выгоды и будетъ ими руководствоваться, а не превратится въ невыносимаго деспота (*)? Конечно безусловно вѣрнаго, непремѣннаго, кромѣ смерти, нѣтъ ничего для человѣка на землѣ; конечно другіе образы правленія представляютъ вообще болѣе залоговъ устойчивости и соблюденія народныхъ правъ; но желать, домогаться должно только — возможнаго. Въ Россіи, въ настоящее

(*) Это опасеніе отчасти оправдывается прекраснымъ отвѣтомъ Императора Александра I-го, извѣстной писательницѣ Стаель, говорившей ему о счастіи Россіи имѣть такого мудраго и великодушнаго монарха: „Если и справедливо, чтó вы говорите, то, признайтесь, это только счастливый случай.“

время, возможно, какъ мы видѣли, только самодержавіе; только оно представляетъ достаточно сосредоточенную живую силу для веденія государственныхъ дѣлъ; только его выгоды совпадаютъ съ общими народными выгодами. Въ этомъ совпаденіи, а равно и въ томъ, что люди вообще всего легче и лучше понимаютъ свои выгоды, заключается ручательство, что самодержавіе будетъ ими руководствоваться. А для насъ всего вѣрнѣе и выгоднѣе, не предаваться какимъ либо мечтательнымъ поискамъ и попыткамъ, твердо и искренне стать на почву дѣйствительности и тѣмъ облегчить верховной власти, достиженіе тѣхъ благихъ цѣлей, которыхъ она не можетъ не имѣть.

Изложенныя нами мнѣнія могутъ, пожалуй, показаться странными и несбыточными. Какъ вообразить себѣ самодержавіе, прислушивающееся къ общественному мнѣнію и исполняющее его требованія? Какъ представить себѣ, при самодержавіи, свободу лицъ, обеспеченность ихъ правъ личныхъ и имущественныхъ, гласность и пуще всего — устойчивость въ управленіи? Все это кажется намъ болѣе возможнымъ чѣмъ пребываніе въ томъ положеніи, въ какомъ мы теперь находимся; или созданіе силы не существующей, согласованіе ея интересовъ съ общенародными и совершеніе этого чуда въ XIX столѣтіи, когда эта, къ возникновенію предполагаемая сила — аристократія изчезаетъ даже тамъ, гдѣ она владычествовала и гдѣ, казалось, она пустила глубокіе корни. Духъ настоящаго времени заключается въ томъ, чтобы благо не нѣкоторыхъ лицъ или не какого либо сословія, а всего народа имѣлось у правительства постоянно въ виду; чтобы

всѣ люди считались равноправными передъ закономъ, имѣли равную возможность развивать свои силы и пользоваться плодами своихъ трудовъ. Все это конечно тѣмъ возможнѣе, чѣмъ люди будутъ принимать болѣе участія въ управленіи страны; но при этомъ особенно важно одно условіе — чтобы въ допущеніи такого участія не было никакой привилегированности. И наша исторія и нашъ настоящій бытъ проникнуты безсословностью, которую не могли сокрушить введенныя у насъ сословія, и которую тщетно стараются оклеветать и потрясти, разныя предложенія о какомъ-то немыслимомъ „культурномъ сословіи" и о какой-то особаго рода „всесословной волости". Изъ всего нами слышаннаго, читаннаго и лично испытаннаго, мы можемъ вывести одно несомнѣнное заключеніе, а именно то, что веденіе правительственныхъ дѣлъ не можетъ оставаться въ своемъ нынѣшнемъ уединенномъ и замкнутомъ положеніи, и что къ этому веденію, въ въ томъ или другомъ видѣ, народъ долженъ быть пріобщенъ.

Какъ интересы самодержавія и народа одни и тѣже, то не видимъ ничего невозможнаго въ томъ, чтобы первое не захотѣло быть окруженнымъ народными представителями, выслушивать ихъ мнѣнія и совѣты, и рѣшаться охотнѣе въ пользу дѣльно и многосторонне обдуманнаго, чѣмъ въ пользу того, что́ вдругъ приходитъ въ голову или что́ предлагается бюрократіею. Думаемъ также, что какъ тяжело подвергаться ограниченіямъ извнѣ и противъ воли налагаемымъ, такъ самоограниченіе есть дѣло мудрое, великое, выгодное и даже отрадное. Самодержавіе само себѣ предоставленное,

въ настоящее время, не можетъ не чувствовать своей несостоятельности, въ виду предлежащихъ ему, все болѣе и болѣе усложняющихся задачь, и не сознавать тяжкой отвѣтственности за совершаемыя имъ дѣла. Пользуясь совѣтами народныхъ избранниковъ, оно раздѣлитъ съ ними отвѣтственность за все, имъ дѣлаемое. Народъ, зная что верховная власть окружена людьми, имъ избранными, и что черезъ нихъ онъ можетъ высказывать ей свои жалобы, просьбы и мнѣнія, будетъ на столько участвовать въ общемъ самоуправленіи, на сколько, при нынѣшнихъ нашихъ мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствахъ, это ему возможно. Слѣдовательно, такое положеніе равно вожделенно для обѣихъ сторонъ.

Упрекнутъ, быть можетъ, наши мнѣнія въ непрактичности и въ томъ, что они не основаны на существующемъ или когда либо существовавшемъ образцѣ. Но не все что было, можетъ быть воскрешено; не все что есть въ одной странѣ, можетъ быть пересажено въ другую страну. Развѣ исторія или дѣйствительность представляетъ намъ два государства одинаково устроенныя? Развѣ имѣются два человѣка или даже два цвѣтка совершенно одинакіе? Еще не бывало въ мірѣ такой имперіи, какова Россія; народъ русскій имѣетъ тоже свои значительныя особенности; у насъ почти все совершалось не обычнымъ образомъ; всѣ благія реформы и всѣ расширенія нашихъ правъ приходили къ намъ сверху, а снизу ихъ только принимали; когда же тамъ на верху грѣшили, то это, по большей части, происходило только *по невѣдѣнію.* Слѣдовательно этому-то *невѣдѣнію* и необходимо

помочь. — И по видимому непрактичное можетъ оказаться дѣломъ самымъ практичнымъ.

Въ слѣдующихъ главахъ, намъ предстоитъ разсмотрѣть: характеръ, предполагаемой и нами считаемой необходимою, общей земской думы; изъ кого её составить; какіе предметы должны подлежать ея вѣденію; какія обязанности имѣютъ на ней лежать; какими правами ей слѣдуетъ пользоваться; и какой порядокъ дѣлопроизводства надлежитъ въ ней установить.

II.

Объ общей земской думѣ.

Отчасти мы уже намѣтили, въ предъидущей главѣ, характеръ предполагаемой нами общей земской думы. Мы вовсе не считаемъ нужнымъ вооружать её рѣшительнымъ голосомъ по государственнымъ дѣламъ. Еще разъ повторяемъ: мы нисколько не имѣемъ въ виду ограниченіе самодержавія, а желаемъ, напротивъ того, предоставить ему возможность дѣйствовать съ бо́льшею свободою, съ бо́льшею сознательностью, самостоятельностью и устойчивостью. А потому общая земская дума должна, по нашему мнѣнію, быть представительницею не общественной силы, повелѣвающей исполнительной власти, а общественнаго мнѣнія, объясняющаго самодержавію настоящее положеніе дѣлъ и вещей, подающаго ему совѣты и помогающаго ему въ исполненіи великихъ и тяжкихъ обязанностей, на немъ лежащихъ.

Мы полагаемъ, что должны у насъ существовать два равноправныя государственныя учрежденія: общая земская дума и государственный совѣтъ. Первая имѣетъ быть представительницею всего зем-

ства, а послѣдній — голосомъ обще государственныхъ интересовъ, соображеній и заключеній. Гласные, прибывающіе изъ своихъ губерній, легко могутъ недостаточно знать объ общемъ положеніи и ходѣ дѣлъ государственныхъ, увлекаться мѣстными интересами, и, имѣя ихъ преимущественно въ виду, не обращать должнаго вниманія на пользы и нужды государства вообще. Люди, посвятившіе себя высшей администраціи и живущіе въ правительственной резиденціи, легко могутъ упускать изъ вида потребности мѣстностей, плохо ихъ знать и, безъ нужды, приносить въ жертву дѣйствительные интересы людей мнимымъ государственнымъ пользамъ и необходимостямъ. Существованіе этихъ двухъ разнородныхъ, но равноправныхъ учрежденій, изъ которыхъ одно назначается земствомъ а другое — верховною властью, и притомъ оба имѣютъ *только голосъ совѣщательный*, устранитъ односторонность мнѣній и заключеній, сообщитъ имъ необходимую многообъятность, жизненность и практичность, и доставитъ самодержавію возможность сознательно и совершенно свободно рѣшать трудныя дѣла по законодательству и управленію.

Права и обязанности общей земской думы должны, въ общихъ чертахъ, заключаться въ разсмотрѣніи, обсужденіи и составленіи заключеній: 1) по всѣмъ дѣламъ законодательнымъ; 2) по принятію общихъ мѣръ къ успѣшнѣйшему исполненію законовъ; 3) по ежегоднымъ смѣтамъ государственныхъ приходовъ и расходовъ, по способамъ уравненія существующихъ и установленія новыхъ налоговъ, и по чрезвычайнымъ финансовымъ мѣрамъ; 4) по ежегоднымъ отчетамъ государственнаго кон-

троля; 5) по разнымъ дѣламъ, вносимымъ по особымъ высочайшимъ повелѣніямъ; 6) по ходатайствамъ земскихъ собраній; наконецъ 7) по предложеніямъ, дѣлаемымъ гласными земской думы. — Обстоятельнѣе о предметахъ вѣденія общей думы, мы будемъ говорить послѣ; но здѣсь необходимо было ихъ намѣтить для опредѣленія общаго характера этого учрежденія.

Дѣла должны поступать въ общую думу: а) изъ министерствъ; б) изъ государственнаго совѣта; в) изъ земскихъ собраній, въ видѣ ходатайствъ; и г) отъ гласныхъ думы, въ видѣ предложеній. Дѣла перваго рода, по разсмотрѣніи ихъ въ думѣ, должны поступать въ государственный совѣтъ; дѣла втораго рода, въ случаѣ согласія думы съ мнѣніемъ совѣта, имѣютъ представляться на высочайшее утвержденіе; а въ случаѣ разногласія думы съ совѣтомъ, они возвращаются въ оный для вторичнаго ихъ обсужденія. Дѣла третьяго и четвертаго родовъ поступаютъ въ государственный совѣтъ въ томъ только случаѣ, если дума одобритъ ходатайство земскаго собранія или предложеніе своего члена. — Въ случаѣ несогласія государственнаго совѣта съ мнѣніемъ думы или сей послѣдней съ мнѣніемъ перваго, или въ случаѣ предложенія тѣмъ или другимъ учрежденіемъ какихъ либо измѣненій или дополненій, дѣло возвращается въ думу или совѣтъ, т. е. туда, гдѣ оно первоначально разсматривалось. Если, при вторичномъ обсужденіи, разногласіе не прекращается, то составляется коммиссія изъ равнаго числа членовъ думы и совѣта; эта коммиссія окончательно разсматриваетъ дѣло; и за тѣмъ мнѣніе ея или различныя мнѣнія, въ ней состоявшіяся, представляются

въ высочайшее благоусмотрѣніе. — Эти коммиссіи, какъ уполномоченныя отъ думы и совѣта, должны, по каждому дѣлу, особо ими избираться.

Что касается до того, какія дѣла должны сперва вноситься въ думу и какія — въ государственный совѣтъ, то это опредѣлить не трудно. Можно, въ этомъ отношеніи, установить правила довольно положительныя, руководствуясь слѣдующимъ основнымъ началомъ: дѣла, имѣющія по преимуществу мѣстный интересъ, должны сперва разсматриваться въ думѣ; а дѣла, относящіяся болѣе къ государству вообще чѣмъ къ мѣстностямъ, должны начинаться съ государственнато совѣта. Такъ на примѣръ: положенія о наймѣ рабочихъ и прислуги слѣдовало бы внести сперва въ думу; а уставъ о воинской повинности, имѣющій цѣлью защиту государства, надлежало бы начально подвергнуть разсмотрѣнію государственнаго совѣта. Впрочемъ ненадлежащее внесеніе дѣла въ думу или совѣтъ, будетъ имѣть послѣдствіемъ только то, что во второмъ учрежденіи можетъ быть сдѣлано болѣе замѣчаній и предложено болѣе измѣненій, чѣмъ въ первомъ, и что вслѣдствіе того, потребуется въ мѣстѣ, гдѣ уже обсуждалось дѣло, вторичное обстоятельное его обсужденіе; что́ особенно невыгодно для министерства, внесшаго свое представленіе не въ надлежащее мѣсто, и что слѣдовательно побудитъ кого слѣдуетъ къ направленію проэктовъ и представленій по принадлежности.

Въ избѣжаніе недоразумѣній, которыя легко могутъ и должны возникнуть между этими двумя равноправными учрежденіями, т. е. между общею земскою думою и государственнымъ совѣтомъ, по-

лезно бы было имѣть въ первой извѣстное число (отъ 4 до 6) членовъ послѣдняго, и такое же число членовъ думы — въ совѣтѣ. Эти члены должны бы избираться упомянутыми учрежденіями изъ своей среды, на мѣсячный срокъ, и обязаны были бы присутствовать (разумѣется съ полнымъ правомъ голоса) въ засѣданіяхъ какъ думы — такъ и совѣта. — Этою мѣрою, думаемъ, были бы предъупреждены многія между ними недоразумѣнія, немедленно или очень скоро доставлены разныя объясненія и значительно сокращены, а во многихъ случаяхъ, и вовсе отвращены письменныя сношенія.

Считаемъ также необходимымъ, чтобы министры, лично или чрезъ своихъ товарищей, присутствовали въ думѣ, точно такъ, какъ они, по своему званію, присутствуютъ въ совѣтѣ, т. е. съ полнымъ правомъ голоса. Этимъ способомъ многое разъяснится, что́ иначе потребовало бы длинной и пространной переписки; многое предъупредится, многое тотчасъ разрѣшится, и что́ особенно важно и желательно, такимъ образомъ установится живая и непосредственная связь между правительствомъ и думою — представительницею народа.

Не могутъ ли, не должны ли возникнуть пререканія между думою и совѣтомъ? Мы этого не думаемъ. Собственно власти, рѣшительнаго голоса государственный совѣтъ не имѣетъ; думѣ также не предполагается дать таковый. Слѣдовательно нѣтъ мѣста, даже возможности для дѣйствительныхъ между ними пререканій.

Но не будетъ ли, между этими разнородными учрежденіями, постоянныхъ разногласій, которыя замедлятъ ходъ дѣлъ и затруднятъ рѣшенія вер-

ховной власти? — И этого предполагать и опасаться — нѣтъ основанія. Государственный совѣтъ есть не представитель какого-либо особаго сословія или интереса, а совѣтъ самодержавія, котораго интересы, какъ мы видѣли, тождественны съ интересами народа. Общая земская дума не есть представительница какихъ либо особенныхъ, оппозиціонныхъ интересовъ, а прямый и законный органъ народа для выраженія верховной власти его нуждъ и желаній. Эти учрежденія будутъ смотрѣть на вещи съ разныхъ сторонъ, другъ другу многое разъяснять и взаимно одинъ другаго пополнять; но, въ ихъ устройствѣ, нѣтъ ничего такого, что́, по своему существу, препятствовало бы соглашеніямъ между ними; а потому нѣтъ причинъ опасаться, что между думою и совѣтомъ будутъ частыя и значительныя разногласія.

Общая земская дума, не вооруженная, ни по какимъ дѣламъ, рѣшительнымъ голосомъ, и имѣющая право только высказывать свои мнѣнія, не будетъ ли учрежденіемъ безсильнымъ, лишеннымъ значенія и только напрасно усложняющимъ государственный механизмъ? — Этого мы никакъ не думаемъ. Конечно теперь общественное мнѣніе у насъ слабо, очень слабо; въ обыкновенныя времена, его почти вовсе нѣтъ. Не только нельзя сказать что Россія или какая либо полоса ея или Москва или Петербургъ, по такому-то государственному дѣлу, такого-то мнѣнія; но опромѣтчиво было бы это утверждать про какой-либо уголокъ Россіи или про какую-либо часть столичнаго или инаго нашего города. Причиною тому — отсутствіе поприща, на которомъ могло бы образовываться, развиваться

и утверждаться общественное мнѣніе. Невступно десять лѣтъ существуютъ земскія учрежденія; и, не смотря на разныя дѣйствія мѣстныхъ и центральныхъ властей къ ограниченію гласности по земскимъ дѣламъ, уже до нѣкоторой степени установилось по нимъ общественное мнѣніе. Не тѣсните, на каждомъ шагу, печати и гласности вообще; не устанавливайте для Петербурга и Москвы какой-то привилегіи (впрочемъ нынѣ уже почти не существующей) издавать книги и журналы безъ предварительной цензуры, и не осуждайте остальной Россіи на безмолвіе; ограничьте самовластіе мѣстныхъ начальниковъ въ отношеніи гражданъ вообще, не исключая изъ ихъ числа и газетныхъ кореспондентовъ; не страшитесь самостоятельности мнѣній и характеровъ; не преслѣдуйте проявленія мысли, какъ будто уже совершеннаго проступка; и общественное мнѣніе у насъ образуется также быстро, какъ уже совершились великія, духу народа сродныя реформы, обезсмертившія нынѣшнее царствованіе. А когда разовьется и укрѣпится общественное мнѣніе на Руси, то какъ можетъ не имѣть значенія то учрежденіе, которое будетъ его представителемъ? — Въ прежнія времена, сила была въ кулакѣ и штыкѣ. Миновало въ Европѣ царство перваго; непродолжительно будетъ и царство послѣдняго. Напротивъ того, общественное мнѣніе, въ средніе вѣка, почти не существовавшее, стало, по мѣрѣ развитія гражданственности и общественности, все болѣе и болѣе усиливаться и расширяться; нынѣ оно составляетъ въ мірѣ силу, которою пренебрегать нельзя; а будущность, и не дальная, обѣщаетъ ему торжество полное и непреходящее. Неужель Россія

составитъ исключеніе изъ общаго правила и останется при кулакѣ и штыкѣ? Конечно — нѣтъ. Мы глубоко убѣждены, что общая дума, какъ голосъ общественнаго мнѣнія русскаго народа, при гласности ея засѣданій, не замедлитъ получить великое значеніе и великую силу, и будетъ имѣть самое благотворное дѣйствіе на ходъ государственнаго управленія вообще. Какъ не обратить вниманія на мнѣніе думы, утвержденное ею единогласно или значительнымъ большинствомъ? Какую нравственную обязательность и повелительность получатъ законы, одобренные и подкрѣпленные общимъ согласіемъ народныхъ представителей! Убѣждены мы и въ томъ, что государственный совѣтъ не захочетъ отставать отъ думы въ разработкѣ переданныхъ ему дѣлъ и явитъ настоящую государственную мудрость; а равно и въ томъ, что министерства, зная какому тщательному и многостороннему обсужденію подвергнутся ихъ представленія, не будетъ передавать въ эти учрежденія проэкты и записки, кое-какъ составленныя. Слѣдовательно, по всѣмъ частямъ управленія, проявится новая жизнь, которой послѣдствія не могутъ не быть благотворными для страны. А потому никакъ нельзя опасаться, чтобы общая земская дума была излишнимъ колесомъ въ механизмѣ нашего политическаго устройства. Дай Богъ только чтобы скорѣе и яснѣе были поняты истинные интересы самодержавія и народа, и чтобы не замедлила осуществленіемъ мысль объ устройствѣ этого совершенно необходимаго учрежденія!

III.

О составѣ общей земской думы.

Составъ общей земской думы и способъ избранія ея членовъ, не трудно опредѣлить. И то и другое указываются самимъ дѣломъ.

Дума должна состоять изъ гласныхъ отъ земства. Нежелательно вообще, и въ особенности на первое время, чтобы она была слишкомъ многочисленна; а потому выборъ думскихъ гласныхъ нельзя предоставить уѣзднымъ земскимъ собраніямъ. Всего удобнѣе и цѣли соотвѣтственнѣе, по нашему мнѣнію, дать губернскимъ земскимъ собраніямъ право избирать, изъ среды своей, гласныхъ въ общую думу. Эти выборы могли бы производиться въ заключеніе перваго изъ трехлѣтнихъ очередныхъ губернскихъ собраній. — Этотъ способъ избранія доставилъ бы лучшихъ по возможности думскихъ гласныхъ: уѣздныя собранія отправляютъ, въ губернскія собранія, людей, отличающихся своими способностями, свѣденіями и усердіемъ къ земскому дѣлу; а губернскія собранія, при концѣ засѣданій своего перваго очереднаго созыва, уже имѣютъ возможность оцѣнить дѣятельность своихъ членовъ и выбрать лучшихъ изъ нихъ въ общую думу.

По той же причинѣ, т. е. въ избѣжаніе излишней многочисленности думы, слѣдовало бы ограничить число гласныхъ, избираемыхъ губернскими земствами, цифрою отъ двухъ до четырехъ отъ каждой губерніи, глядя по количеству ея народонаселенія. Необходимо при этомъ допустить кандидатовъ къ этимъ гласнымъ, на случай ихъ смерти или другихъ обстоятельствъ, препятствующихъ имъ дальнѣйшее исполненіе этихъ обязанностей; иначе пришлось бы созывать чрезвычайныя губернскія земскія собранія или оставлять губерніи безъ представителей.

Къ сожалѣнію, еще не во всей имперіи введены земскія учрежденія; въ огромной ея части, они еще не существуютъ; а между тѣмъ, общая дума не можетъ состоять изъ гласныхъ отъ нѣкоторыхъ губерній и оставаться безъ представительства отъ остальныхъ. Весьма желательно, чтобы земскія учрежденія были введены повсѣмѣстно и какъ можно незамедлительнѣе. Признаться, мы не видимъ къ тому и непреодолимыхъ препятствій. Придется сдѣлать, въ Положеніи по этому предмету, нѣкоторыя измѣненія; но сущность этого закона должна оставаться таже. Опасенія на счетъ западнаго края, а равно и привислянскихъ губерній, теперь значительно ослабли и должны вскорѣ и вовсе изчезнуть. Дѣйствія Пруссіи и даже Австріи, а равно и непогрѣшимаго папы, могутъ, въ этомъ отношеніи, насъ вполнѣ успокоить. Зная нѣсколько эти края, мы думаемъ что вѣрнѣйшее средство окончательно сокрушить сепаратическія ихъ наклонности и стремленія, заключается въ томъ, чтобы предоставить имъ возможность дома жить спокойно и безобидно,

и чтобы показать имъ на дѣлѣ, въ ихъ мѣстностяхъ, выгоды и превосходство изданныхъ, въ нынѣшнее царствованіе, разныхъ для имперіи положеній и постановленій передъ обвѣтшалыми, разнокалиберными и по преимуществу шляхетскими ихъ порядками. Мы надѣемся, что особенно благотворное дѣйствіе на сліяніе окраинъ съ внутреннею Россіею, можетъ оказать допущеніе гласныхъ изъ западныхъ и привислянскихъ губерній въ нашу общую земскую думу. Подобное же вліяніе долженъ имѣть на прибалтійскую окраину призывъ въ общую думу гласныхъ изъ Ревельской, Рижской и Митавской губерній. Тутъ только одно затрудненіе: какъ рыцарей, горожанъ и крестьянъ посадить за одинъ столъ и дать имъ выбирать представителей не отъ сословій а отъ губерніи. Впрочемъ, въ видахъ общаго блага, самодержавію нечего слишкомъ церемониться съ отжившими рыцарскими и городскими привилегіями. Даже въ Германіи все это хоронится; не быть же намъ plus royalistes que le roi. Мы вовсе не за насилія вообще и не за навязанныя благодѣянія въ особенности; но есть случаи, когда самодержавіе должно дѣйствовать рѣшительно и даже насильственно. Такими случаями были: уничтоженіе въ имперіи крѣпостной зависимости крестьянъ и дворовыхъ людей, и обезпеченіе, въ такъ называемомъ царствѣ польскомъ, земельнымъ надѣломъ уже прежде освобожденныхъ тамошнихъ крестьянъ. Такимъ случаемъ должно быть окончательное упраздненіе извѣтшалыхъ остзейскихъ привилегій. Къ тому же имѣется въ виду предоставить этимъ губерніямъ участіе въ общемъ государственномъ управленіи; слѣдовательно отнимается у нихъ мѣнь-

шее и дается имъ бо́льшее. Увѣрены, что разумные и благонамѣренные остзейцы станутъ на нашу сторону и противъ устарѣлыхъ приверженцевъ рыцарства и цѣховъ. — Полагаемъ, что такимъ пріобщеніемъ окраинъ къ общему вѣденію государственныхъ дѣлъ, будутъ окончательно обезсилены и подавлены всякія, еще тамъ удерживающіяся сепаратическія стремленія.

Думаемъ и надѣемся, что эти преобразованія не замедлятъ, и что всѣ наши губерніи постепенно пріобщены будутъ къ пользованію правами мѣстнаго самоуправленія и вмѣстѣ съ тѣмъ получатъ возможность избирать гласныхъ и въ общую думу. Но мы не желаемъ, чтобы отъ этого откладывалось, хотя на сколько нибудь времени, учрежденіе общей думы; а потому тамъ, гдѣ нѣтъ возможности немедленно избирать гласныхъ отъ земства, слѣдуетъ предоставить администраціи право, изъ мѣстныхъ жителей а не изъ мѣстныхъ чиновниковъ, назначать по одному представителю отъ каждой губерніи. Мы говоримъ „по одному" по той причинѣ, что если бы было разрѣшено администраціи назначать по стольку же гласныхъ отъ губерніи, по скольку земство избираетъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно уже устроено, то, при значительномъ числѣ губерній, не имѣющихъ земскихъ учрежденій, дума оказалась бы представительницею по преимуществу не народа а администраціи. Но этимъ, ею назначеннымъ гласнымъ, слѣдуетъ обеспечить несмѣняемость на срокъ, вообще назначенный для службы гласныхъ.

Сверхъ того, въ составъ думы должны войти, какъ мы выше сказали, нѣсколько членовъ государственнаго совѣта (отъ 4 до 6) и министры или

заступающіе ихъ мѣста — т. е. товарищи министровъ.

Что касается до общаго срока, на который должны избираться думскіе гласные, то слѣдуетъ, кажется, прянять тотъ, который уже существуетъ для уѣздныхъ и губернскихъ гласныхъ, т. е. трехлѣтній. Онъ и не слишкомъ коротокъ и не слишкомъ продолжителенъ.

Важнымъ, при устройствѣ общей думы, долженъ быть вопросъ: кому въ ней предсѣдательствовать?

Непремѣннымъ условіемъ для успѣшнаго дѣйствія всякаго совѣщательнаго собранія есть пользованіе имъ правомъ избранія своего предсѣдателя. Если земскія собранія, какъ уѣздныя такъ и губернскія, идутъ отчасти плохо, отчасти же не такъ удовлетворительно какъ бы они могли идти, то главною тому причиною — предсѣдательствованіе въ нихъ лицъ, избранныхъ не ими и не для исполненія этихъ именно обязанностей. Только предсѣдатель, избранный самимъ собраніемъ, можетъ вести въ немъ дѣла успѣшно, какъ потому что если онъ избранъ собраніемъ въ эту должность, то видно считается способнымъ её исполнить, такъ и потому, что, пользуясь благорасположеніемъ большинства, онъ въ состояніи имѣть, при веденіи совѣщаній, необходимый для предсѣдателя авторитетъ. Назначеніе посторонняго лица или даже однаго изъ членовъ собранія, по усмотрѣнію администраціи, для исправленія предсѣдательскихъ обязанностей — значитъ непремѣнное осужденіе этого собранія на малоуспѣшную дѣятельность. Такого предсѣдателя необходимо вооружить диктаторскими правами, какъ

то нынѣ у насъ и существуетъ. Но и эти права мало ему помогаютъ: онъ ими или не пользуется или востанавляетъ противъ себя собраніе. Къ чему созывать людей и прежде всего заявлять имъ недовѣріе? Лучше уже прямо приказывать, требовать исполненія отдаваемыхъ приказовъ, и не дразнить людей напраснымъ возбужденіемъ въ нихъ мыслительныхъ и дѣйственныхъ способностей.

Если не желаютъ, не считаютъ возможнымъ довѣряться народу, то лучше и не созывать общей думы. Всякія полумѣры малопроизводительны и часто вмѣсто пользы причиняютъ вредъ. Заявленіе недовѣрія, въ настоящемъ случаѣ, породитъ въ народѣ не чувство благодарности, преданности и любьви за новое оказанное ему благодѣяніе, а сомнѣнія, опасенія и подозрѣнія, что̀ администрація въ насъ уже съ избыткомъ развила и тщательно поддерживаетъ. Если бы правительство, при созывѣ общей думы, сочло необходимымъ стать въ оборонительное положеніе въ отношеніи къ народу, то не вызвало ли бы оно въ немъ чрезъ то недовѣріе и не породило ли бы другія вовсе нежелательныя и не плодотворныя чувства?

Нѣтъ! Или не слѣдуетъ и помышлять о думѣ и оставаться, если возможно, при нынѣшнемъ положеніи, или необходимо отнестись съ довѣріемъ къ народу и его представителямъ. Предсѣдатель думы долженъ быть по выбору собранія. Одно что̀ можно допустить: предоставить собранію выборъ двухъ кандидатовъ на должность предсѣдателя, и удержать за верховною властью утвержденіе одного изъ нихъ въ этомъ званіи.

Само собою разумѣется, что секретари думы

должны быть по ея выбору изъ среды самыхъ членовъ. Этотъ выборъ могъ бы производиться или ежемѣсячно или ежегодно при открытіи думскихъ засѣданій.

Вотъ, въ главныхъ чертахъ, какъ, по нашему мнѣнію, должна быть составлена общая земская дума.

IV.

О предметахъ вѣдѣнія общей земской думы.

Мы уже намѣтили, во второй главѣ (стр. 43 и 44) предметы, подлежащіе вѣдѣнію общей земской думы. Здѣсь мы предполагаемъ нѣсколько обстоятельнѣе объ нихъ поговорить, придерживаясь того же порядка, въ какомъ тамъ они изложены.

1) Мы считаемъ особенно важнымъ, чтобы всѣ проэкты законовъ проходили черезъ думу. Много недостатковъ въ нашихъ законахъ: и темный, маловразумительный, искуственный какой-то языкъ, и смѣсь законодательныхъ положеній съ наказными правилами; но самые главные пороки нашихъ узаконеній заключаются въ ихъ непрактичности, въ полной несоотвѣтственности тому, чтó требуется для нашей страны, въ ихъ неустойчивости, въ ихъ крайнемъ изобиліи и въ отсутствіи въ нихъ всякаго единства. Читая издающіеся законы, часто не понимаешь, чтó хотятъ ими установить, и недоумѣваешь: для какой страны они предназначены, какую цѣль они должны достигнуть и какимъ образомъ они будутъ исполняться? Очевидно, что и соста-

вители проэктовъ и люди, ихъ разсматривавшіе, равно чужды землѣ, для которой они законодательствуютъ, и что, сверхъ того, они не руководствуются никакими постоянными, жизнью страны выработанными началами, которыя должны лежать въ основѣ управленія всякаго благоустроеннаго государства (*). Не говорю о распоряженіяхъ, исходящихъ изъ разныхъ министерствъ и одно другому противурѣчущихъ; но у насъ часто узаконенія, обнародываемыя сегодни, отмѣняютъ, прямо или косвенно, то чтó вчера было установлено; и изъ этого выходитъ страшная путанница. Издано было положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, обеспечивавшее имъ нѣкоторую самостоятельность и независимость; а затѣмъ послѣдовали узаконенія о правахъ предсѣдателей, о губернаторской цензурѣ по печатанію журналовъ земскихъ собраній и пр. Изданъ былъ законъ, предоставлявшій нѣкоторую свободу печати; ожидали расширенія этой свободы и въ сущности и на всю имперію; а вмѣсто того, безъ всякихъ особенныхъ причинъ, послѣдовало узаконеніе, вооружающее администрацію правомъ, *безъ суда*, запрещать книги и журналы и предавать ихъ сожженію. Положенія о народныхъ школахъ

(*) Въ этомъ отношеніи, какъ и во многомъ другомъ, Англія можетъ служить образцомъ: мѣняются тамъ люди, одна партія заступаетъ мѣсто другой; но основныя начала англійской политики, какъ внутренней такъ и внѣшней, остаются одни и тѣже. Между первыми министрами Гладстономъ и Дизраели — разница одна: первый быстро двигаетъ впередъ а послѣдній нѣсколько задерживаетъ ходъ необходимыхъ преобразованій; но оба идутъ по одному и тому же пути, и никому изъ нихъ не приходитъ въ голову раздѣлывать то, чтó сдѣлалъ его предшественникъ, а тѣмъ еще менѣе изподтишка переиначивать законныя постановленія.

1864 года и о земскихъ учрежденіяхъ, поручали народное образованіе преимущественно земству; а въ 1874 году вышло новое узаконеніе, передающее главную заботу по этому предмету — дворянству и чиновникамъ министерства народнаго просвѣщенія, не имѣющимъ на то почти никакихъ ассигнованныхъ суммъ и лишенныхъ возможности съ успѣхомъ вести это дѣло. Мы указали на нѣкоторыя важныя узаконенія; но той же участи подвергаются и менѣе значительные указы. Вообще какъ будто установился обычай, за обнародованіемъ общаго правила, издавать исключенія, болѣе или менѣе его уничтожающія; это въ особенности неминуемо и незамедлительно происходитъ въ тѣхъ случаяхъ, когда общимъ узаконеніемъ расширяются права гражданъ: тутъ какъ-бы обязательно, безъ всякихъ внѣшнихъ къ тому вынудительныхъ причинъ, слѣдуютъ разъясненія и дополненія, ограничивающія, почти отмѣняющія только что дарованныя права. Это главнѣйше происходитъ отъ того, что́, въ воззрѣніяхъ администраціи, нѣтъ ничего сознательно и прочно выработаннаго; что она дѣйствуетъ по большей части, по внушеніямъ текущей минуты и окружающей её среды; и что, чувствуя свою несостоятельность и неизбѣжность привлеченія мѣстностей къ самоуправленію и повинуясь указаніямъ свыше, она рѣшается устанавливать общія правила, но, при первомъ ощущаемомъ ею отъ нихъ стѣсненіи, она не затрудняется отмѣнять ихъ по частямъ или просто на просто ихъ нарушать. Это отсутствіе твердыхъ и постоянно руководящихъ началъ, это легкомысліе при изданіи новыхъ правилъ и при ихъ нарушеніи, и укоренившаяся въ

администраціи привычка заявлять въ законѣ одно и дѣйствовать въ иномъ, часто совершенно противуположномъ направленіи — лишаютъ законы того уваженія, которымъ они должны пользоваться въ народѣ и не даютъ развиваться и утверждаться у насъ чувству законности, безъ котораго немыслимы порядокъ и благосостояніе въ странѣ. Государственный совѣтъ конечно нѣсколько умѣряетъ и ограничиваетъ легкомысліе и неустойчивость министерскихъ проэктовъ; но, по своему положенію, составу и порядку дѣлопроизводства, онъ лишенъ возможности оказывать сильное вліяніе на ходъ дѣлъ вообще. Къ тому же, министры имѣютъ возможность, при личныхъ докладахъ и чрезъ комитетъ министровъ, испрашивать особыя высочайшія повелѣнія, отмѣняющія или пріостанавливающія, въ частныхъ случаяхъ, дѣйствіе общихъ законовъ. Легкость изданія новыхъ законовъ, особенно въ видѣ опыта или временнаго постановленія, значительно увеличиваетъ ихъ количество; плодовитость нашего законодательства изумительна и дѣлаетъ то, что не только граждане, но и сами агенты администраціи плохо ихъ знаютъ и часто въ нихъ запутываются. Сверхъ того, появленіе законовъ, какъ deus ex machina, безъ достаточныхъ причинъ къ ихъ изданію, безъ огласки и безъ всякихъ предвареній, поселяетъ въ гражданахъ полную неувѣренность въ ихъ бытѣ вообще и въ особенности по дѣламъ торговымъ и промышленнымъ. Завтра то-то можетъ быть запрещено или разрѣшено или иначе какъ установлено — это значительно задерживаетъ всякое развитіе; ибо трудно, на такомъ зыбкомъ основаніи, что-либо предпринимать или чему-либо себя посвящать. —

По всѣмъ этимъ причинамъ, совершенно необходимо утвердить наше законодательство на прочныхъ и разумныхъ основаніяхъ; что́ не можетъ быть достигнуто иначе, какъ предоставленіемъ всѣхъ безъ исключенія законопроэктовъ разсмотрѣнію и обсужденію общей земской думы и государственнаго совѣта. Этимъ только можетъ быть водворено единство въ наше законодательство, отвращена излишняя поспѣшность и плодовитость въ изданіи законовъ, и вызвано и укоренено чувство законности какъ въ гражданахъ такъ и въ самой администраціи — чувство, котораго, къ великому прискорбію и къ крайней нашей невыгодѣ, въ насъ нѣтъ или его очень мало, и безъ котораго не можетъ прекратиться тотъ страшный хаосъ, въ коемъ мы теперь обрѣтаемся.

2) Принятіе общихъ мѣръ къ успѣшнѣйшему исполненію законовъ есть обязанность, которая нынѣ лежитъ на государственномъ совѣтѣ, и которая составляетъ необходимую часть государственной законодательной дѣятельности. Конечно наказы вообще, т. е. тѣ, которые даются въ предѣлахъ закона и на точномъ его основаніи, могутъ и должны утверждаться министрами; но наказы, истолковывающіе законы и опредѣляющіе ихъ способъ исполненія, и потому требующіе высочайшего утвержденія, должны непремѣнно проходить черезъ думу и совѣтъ; ибо иначе легко можетъ случиться, что истолкованіе не будетъ согласно съ видами и мыслями законодателя, а способы исполненія будутъ указаны такіе, которые изъ самаго дѣльнаго закона сдѣлаютъ нѣчто въ родѣ нынѣшнихъ указовъ и положеній. Сверхъ того, при государственномъ

управленіи, приходится иногда принимать особенныя мѣры къ болѣе успѣшному исполненію законовъ. Необходимо такія мѣры обсуживать въ тѣхъ учрежденіяхъ, которые участвуютъ и въ самомъ дѣлѣ законодательства; ибо иначе не будетъ, въ дѣйствіяхъ верховной власти, того единства, которое придаетъ имъ особенную силу и обеспечиваетъ за ними уваженіе и нравственную обязательность.

3) Разсмотрѣніе и обсужденіе ежегодной смѣты государственныхъ доходовъ и расходовъ въ общей земской думѣ, должно быть особенно полезно по многимъ причинамъ. Во 1-хъ, потому, что посторонним людямъ виднѣе неправильности, недостатки и излишки во всякомъ дѣлѣ, чѣмъ самимъ хозяевамъ или людямъ, уже присмотрѣвшимся къ обычному его веденію. Во 2-хъ, потому, что государственный совѣтъ, оставаясь постоянно почти въ неизмѣнномъ составѣ (назначеніе, въ теченіи года, двухъ, трехъ новыхъ членовъ проходитъ вовсе незамѣтно), приступаетъ ежегодно, къ разсмотрѣнію государственной росписи, такъ сказать машинально и только ради соблюденія формальности. Если въ департаментѣ государственной экономіи, эта роспись разбирается нѣсколько подробнѣе, то, въ общемъ собраніи, она пропускается почти безъ всякаго обсужденія и возвращается оттуда или въ томъ же видѣ, въ какомъ она туда поступила или съ самыми незначительными измѣненіями. Въ 3-хъ, потому, что, въ думѣ, эта смѣта будетъ разсматриваться людьми, нисколько отъ нея не пользующимися, а напротивъ и лично и по довѣрію заинтересованными въ возможномъ сокращеніи расходовъ. Наконецъ въ 4-хъ, потому, что министры

вообще, а министръ финансовъ въ особенности, зная, что ихъ требованія будутъ разсматриваться и обсуждаться не въ кружкѣ пріятелей и товарищей, съ которыми они свыклись дѣлить и радости и печали, а въ средѣ людей посторонних, съѣхавшихся со всѣхъ концевъ Россіи, и притомъ не тайкомъ а гласно — на весь бѣлый свѣтъ, сами посовѣстятся включать въ свои смѣты расходы ненужные или обозначать ихъ хотя и обычными, но безсмысленными словами. По всѣмъ нами указаннымъ и многимъ другимъ молчаніемъ пройденнымъ причинамъ, обсужденіе государственной смѣты доходовъ и расходовъ въ думѣ, должно принести величайшую пользу нашимъ государственнымъ финансамъ вообще. Долго не рѣшались на обнародованіе этой смѣты, и опасались что оно повредитъ нашему кредиту въ Европѣ; а на дѣлѣ оказалось, что хотя наши финансовые распорядки и не улучшились, однако знаніе ихъ все-таки предпочтительнѣе ихъ полнаго невѣденія, и нашъ кредитъ никогда не былъ такъ хорошъ какъ нынѣ. Гласное обсужденіе смѣты, безъ сомнѣнія, еще значительно его подниметъ и утвердитъ. — Общая дума конечно будетъ назначать, для обстоятельнаго разсмотрѣнія смѣты, особую коммиссію; но докладъ ея а равно и самая смѣта будутъ обсуживаться въ публичныхъ засѣданіяхъ думы. Мы ожидаемъ особенной пользы отъ дѣйствій первыхъ коммиссій, которыя будутъ назначены думою; ибо знаемъ, что теперь, въ смѣтахъ разныхъ министерствъ, находится много статей, которыя пропускаются государственнымъ совѣтомъ или только по привычкѣ или ради личныхъ отношеній къ разнымъ министрамъ.

Полагаемъ, что дума можетъ также весьма благотворно подѣйствовать на уравненіе существующихъ и при установленіи новыхъ налоговъ. Нельзя сказать, что у насъ налоги вообще очень высоки. Нѣтъ! почти вездѣ въ Европѣ, они много выше чѣмъ въ Россіи. Но у насъ они весьма тяжелы по причинѣ ихъ раскладки, несоотвѣтствующей средствамъ платильщиковъ. Бездѣйствіе министерства финансовъ, въ отношеніи къ исправленію вопіющихъ несправедливостей и несообразностей по этой части — просто загадочно. Уже нѣсколько лѣтъ возбужденъ вопросъ о замѣнѣ подушныхъ податей иными болѣе справедливыми сборами; вопросъ этотъ былъ переданъ на обсужденіе губернскихъ земскихъ собраній, которыя съ удивительнымъ единодушіемъ осудили этотъ налогъ и сдѣлали разныя предложенія къ установленію иныхъ менѣе обременительныхъ и болѣе разумныхъ податей; напечатаны толстые томы мнѣній и свѣденій по этой части; и за всѣмъ тѣмъ — дѣло не подвигается ни на шагъ впередъ. Поднимаютъ акцизъ на вино, уже и безъ того чрезмѣрный; прибѣгаютъ къ разнымъ мелкимъ средствамъ къ увеличенію доходовъ; но къ преобразованію подушныхъ податей словно боятся подойти. На этотъ предметъ дума не можетъ не обратить вниманія; и авось тогда посовѣстятся откладывать неотложное и дѣлать ненадлежащее. Къ тому же, дума, какъ представительница платильщиковъ вообще, болѣе чѣмъ кто либо въ состояніи указывать съ чего, какъ, въ какихъ размѣрахъ и въ какіе сроки всего удобнѣе взимать государственные сборы.

Принимаются, и нерѣдко, разныя важныя мѣры

по финансовому вѣдомству: пересмотръ таможенныхъ тарифовъ, составленіе нормальныхъ правилъ для банковъ разнаго рода, измѣненія въ монетной системѣ, мѣры къ возстановленію цѣнности кредитнаго рубля, и пр. Не мало было сдѣлано промаховъ по этой части, и нѣкоторые изъ нихъ стоили государству десятки, даже сотни милліоновъ рублей. Конечно и дума не будетъ непогрѣшимою; но гласное обсужденіе такихъ мѣръ въ этомъ учрежденіи и въ печати, не допуститъ совершенія такихъ непростительныхъ ошибокъ, какія сдѣланы были у насъ, и не разъ, по финансовому вѣдомству. А способъ выдачи концессій на постройку желѣзныхъ дорогъ, измѣнявшійся почти ежегодно и наконецъ доведенный въ 1873/4 году до границъ возможнаго, былъ бы иначе и прочнѣе установленъ, еслибы онъ подвергался гласному обсужденію а не одному бюрократическому просмотру. А потому всякія важныя финансовыя мѣры должны непремѣнно обсуждаться и въ общей земской думѣ и въ государственномъ совѣтѣ.

4) Разсмотрѣніе и обсужденіе ежегоднаго отчета государственнаго контроля необходимо должны подлежать вѣденію того же учрежденія, которое занимается разсмотрѣніемъ и обсужденіемъ ежегодной смѣты государственныхъ доходовъ и расходовъ. Одно безъ другаго немыслимо.

5) Многія административныя дѣла, по важности своей, могутъ нуждаться въ обсужденіи ихъ въ общей земской думѣ; а потому они, по высочайшимъ повелѣніямъ, будутъ въ оную передаваться. Не только теперь, до учрежденія думы, но и впослѣдствіи, трудно ихъ положительно опре-

дѣлить; вѣроятно, съ теченіемъ времени, по мѣрѣ развитія дѣятельности думы, число такихъ передаваемыхъ дѣлъ будетъ постепенно усиливаться. Сверхъ того, цѣлый родъ дѣлъ нами съ намѣреніемъ пройденъ молчаніемъ; а именно дѣла по внѣшней политикѣ. Заключеніе трактатовъ и въ особенности торговыхъ, объявленіе войны или прекращеніе ея миромъ — суть дѣла, сильно интересующія страну; а потому трудно не дать ей возможности высказывать, по симъ предметамъ, свое мнѣніе. Даже въ прежнія времена, цари собирали земскіе соборы и предлагали имъ на обсужденіе вопросы по внѣшней политикѣ; въ настоящее же время, не предвидится особенныхъ неудобствъ въ томъ, чтобы совѣтоваться съ землею на счетъ важныхъ дѣлъ по сношеніямъ съ иностранными государствами; и это тѣмъ болѣе, что подобный порядокъ существуетъ въ остальной Европѣ. Всѣмъ памятно, съ какимъ единодушнымъ сочувствіемъ встрѣченъ былъ, во всей Россіи, отвѣтъ правительства на ноты европейскихъ державъ, по случаю безпорядковъ въ польскихъ губерніяхъ, и какое вліяніе это сочувствіе имѣло на дальнѣйшія дѣйствія европейской дипломаціи. Считаемъ неудобнымъ точнѣе опредѣлять случаи, когда должны быть дѣлаемы думѣ сообщенія по внѣшнимъ дѣламъ; но убѣждены, что правительство само не замедлитъ удостовѣриться въ пользѣ такихъ сообщеній, и вовсе не будетъ избѣгать истребованія по нимъ заключеній общей земской думы. — Еще имѣется одинъ разрядъ дѣлъ, которыя слѣдовало бы передавать въ думу на разсмотрѣніе: это — ежегодные отчеты министерствъ. Не предлагаемъ устанавливать это тотчасъ и за-

кономъ, потому что, въ началѣ, не должно слишкомъ развлекать думу разнообразіемъ поручаемыхъ ей дѣлъ; но желательно, чтобы впослѣдствіи эти отчеты поступали въ думу на разсмотрѣніе. Тогда они получатъ совершенно иное значеніе.

6) Ходатайства земскихъ собраній, какъ губернскихъ такъ и уѣздныхъ, поступаютъ нынѣ, въ значительномъ количествѣ, въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Много представляется ходатайствъ весьма важныхъ и весьма дѣльныхъ; но нерѣдко изъ губерній, смежныхъ и слѣдовательно находящихся почти въ одинакихъ условіяхъ, получаются просьбы совершенно разнорѣчивыя; нерѣдко также предметы ходатайствъ до того ничтожны, даже странны, что затрудняешься себѣ объяснить, какъ цѣлое собраніе могло рѣшиться утруждать высшее правительство такими представленіями. Это главнѣйше происходитъ отъ того, что земскія собранія, извѣдавшія горькимъ опытомъ, какъ мало высшее правительство обращаетъ вниманія на ихъ ходатайства, относятся теперь къ нимъ довольно легкомысленно: они соглашаются почти на всякія предложенія, не обставляютъ ихъ нужными объясненіями и доводами, не разрабатываютъ вопросовъ основательно, и часто ограничиваются простымъ изложеніемъ просьбъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ не имѣетъ нужныхъ средствъ для надлежащей оцѣнки полученныхъ ходатайствъ: мнѣніе мѣстнаго губернатора, нѣкоторыя справки, выписанныя изъ дѣлъ столоначальникомъ, и кой-какія общія соображенія, случайно находящіяся въ ходу по министерству — вотъ все, что́ имѣетъ въ виду высшее правительство при разсмотрѣніи земскихъ ходатайствъ. А

потому и неудивительно, что большая часть изъ нихъ оставляется безъ послѣдствій; чѣмъ почти уничтожается важное право земства ходатайствовать о своихъ пользахъ и нуждахъ. Весьма желательно и необходимо возстановить и утвердить на прочныхъ основаніяхъ это существенное для земства право. Прямымъ, самымъ дѣйствительнымъ къ тому средствомъ есть обращеніе всѣхъ такихъ ходатайствъ въ общую земскую думу, которая будетъ имѣть и нужныя свѣденія и прямый интересъ въ надлежащей оцѣнкѣ и разработкѣ такихъ представленій. Гласные той губерніи, откуда поступаетъ ходатайство, будутъ его разъяснителями и защитниками; прочіе — вполнѣ компетентными экспертами; а члены государственнаго совѣта и министры могутъ при этомъ высказывать общія государственныя соображенія. Такимъ образомъ, ходатайства будутъ надлежащимъ образомъ обсуживаться, и самые отказы не будутъ имѣть того обиднаго характера, который нынѣ такъ оскорбляетъ земство. Вмѣстѣ съ тѣмъ, министерство освободится отъ производства у себя многочисленныхъ дѣлъ, по которымъ оно не можетъ не чувствовать своей несостоятельности; а верховной власти придется обращать свое вниманіе только на тѣ земскія ходатайства, которыя будутъ подкрѣплены одобреніемъ и согласіемъ думы.

Наконецъ 7) нельзя отказать гласнымъ въ правѣ дѣлать предложенія, которыя они сочутъ полезными для блага страны вообще или для болѣе успѣшнаго хода дѣлъ въ думѣ. Эти предложенія будутъ обсуждаться въ думѣ, и только тѣ изъ нихъ поступятъ въ государственный совѣтъ и на высо-

чайшее благоусмотрѣніе, которыя удостоятся ея одобрѣнія. Для ограниченія числа дѣлаемыхъ предложеній, особенно въ видахъ сбереженія думскаго времени, можно требовать подписи извѣстнаго числа гласныхъ, поддерживающихъ дѣлаемое предложеніе.

Вотъ главные предметы, долженствующіе, по нашему мнѣнію, подлежать вѣденію общей земской думы. Впослѣдствіи будетъ виднѣе, какого рода дѣла могутъ быть еще переданы на ея разсмотрѣніе и обсужденіе.

V.

О правахъ и обязанностяхъ общей земской думы и о дѣлопроизводствѣ въ оной.

Права и обязанности общей земской думы, въ главныхъ чертахъ, нами уже обозначены въ предъидущихъ главахъ. Что касается до порядка дѣлопроизводства, который желательно установить въ думѣ, то этотъ порядокъ для совѣщательныхъ собраній довольно извѣстенъ и легко можетъ быть примѣненъ и къ новому предполагаемому учрежденію. А потому, по этимъ обоимъ предметамъ, здѣсь, мы ограничимся указаніемъ только тѣхъ немногихъ особенностей, которыя слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, не упускать изъ вида при устройствѣ общей земской думы.

Собранія думы должны быть ежегодныя очередныя и могутъ быть также чрезвычайныя. Первыя всего удобнѣе назначить на 7-ое или 8-ое января каждаго года, потому что думскіе гласные имѣли бы возможность участвовать въ засѣданіяхъ губернскихъ земскихъ собраній, которыя обыкновенно бываютъ въ декабрѣ и которыя довольно трудно перевести на болѣе ранніе сроки. Участіе думскихъ гласныхъ въ губернскихъ собраніяхъ

считаемъ мы весьма важнымъ и даже необходимымъ, какъ для поддержанія связей этихъ выборныхъ съ своею губерніею, такъ и для полученія ими самыхъ вѣрныхъ, обстоятельныхъ и свѣжихъ свѣденій о потребностяхъ губерніи и о положеніи въ оной дѣлъ. Закрытіе очередныхъ собраній должно зависѣть или отъ окончанія ими всѣхъ на очереди состоящихъ дѣлъ или отъ усмотрѣнія верховной власти. Желательно, чтобы засѣданія общей думы могли прекращаться не позже мая, и чтобы гласные, члены государственнаго совѣта и министры могли имѣть необходимое для отдыха лѣтнее время.

Сроки для открытія чрезвычайныхъ собраній думы назначаются въ самыхъ высочайшихъ повелѣніяхъ объ ихъ созывѣ.

Какъ открытія такъ и закрытія собраній думы должны бы совершаться Государемъ Императоромъ лично или по его уполномочію.

Право и обязанность повѣрки числа гласныхъ, а равно законности и дѣйствительности ихъ избранія, должны лежать вполнѣ на общей думѣ: ей, въ этомъ отношеніи, слѣдуетъ рѣшать окончательно и эти ея постановленія не должны подлежать никакому дальнѣйшему утвержденію.

Дума обязана давать свои заключенія по всѣмъ дѣламъ, которыя въ нее поступаютъ. Эти заключенія могутъ быть или просто съ изъявленіемъ ея согласія на представленный проэктъ, мнѣніе, ходатайство или предложеніе; или съ ея неодобреніемъ онаго, но, въ такомъ случаѣ, должны быть изложены причины этого неодобренія; или съ предложеніемъ измѣненій и дополненій къ обсуждавшемуся дѣлу или вопросу.

Общая земская дума можетъ дѣлать постановленія, не подлежащія никакому дальнѣйшему утвержденію, только по слѣдующимъ предметамъ: а) относительно законности и дѣйствительности выбора думскихъ гласныхъ; б) по дисциплинарнымъ съ нихъ взысканіямъ; в) по опредѣленію порядка своего дѣлопроизводства; г) по требованіямъ, отъ министерствъ и подвѣдомыхъ имъ учрежденій, разныхъ свѣденій, поясненій и дополненій по дѣламъ, подлежащимъ обсужденію думы; д) и е) по ходатайствамъ земскихъ собраній и по предложеніямъ думскихъ гласныхъ, въ случаѣ если дума признаетъ эти ходатайства или предложенія не подлежащими удовлетворенію или не заслуживающими одобренія.

Гласные должны пользоваться полною свободою слова въ засѣданіяхъ думы; но предсѣдатель имѣетъ право и обязанность всякаго члена, уклоняющагося, въ своей рѣчи, отъ предмета, который подлежитъ обсужденію, возвращать къ вопросу, а члена, позволяющаго себѣ выраженія неприличныя или для кого-либо оскорбительныя, а равно и изъясненія противузаконныя или возмутительныя, призывать къ порядку. Послѣ трехъ возвращеній къ вопросу или трехъ призывовъ къ порядку, предсѣдатель имѣетъ право лишать гласнаго права говорить по обсуждаемому вопросу. Дума должна имѣть право удалять, на время или и вовсе, отъ участія въ ея засѣданіяхъ, гласнаго, провинившагося въ нарушеніи благочинія или порядка въ ея совѣщаніяхъ.

Гласные не должны подлежать отвѣтственности за свои слова и дѣйствія въ думѣ, иначе какъ по ея постановленіямъ.

Гласные, во время собраній думы и за мѣсяцъ

до ихъ открытія, не могутъ быть задержаны, безъ особаго на то разрѣшенія думы.

Гласные не должны получать никакого положеннаго жалованія или содержанія; но не слѣдуетъ возбранять губернскимъ земскимъ собраніямъ назначать пособія тѣмъ лицамъ, уже избраннымъ въ думскіе гласные, которыя заявятъ о невозможности для нихъ, на собственный счетъ, ѣхать въ Петербургъ и тамъ жить во время думскихъ засѣданій. Слѣдуетъ опредѣлить высшую цифру такого пособія и вмѣстѣ съ тѣмъ постановить, что оно можетъ быть выдаваемо только за время дѣйствительнаго пребыванія гласныхъ въ Петербургѣ и по разсчету времени на ихъ проѣздъ туда и обратно.

Что касается до числа гласныхъ, коихъ присутствіе въ засѣданіи думы необходимо для законности ея рѣшеній, то мы полагаемъ ограничить эту цифру пятою частью всѣхъ гласныхъ, избранныхъ въ думу. Мы знаемъ всѣ неудобства — не пользу а вредъ отъ требованія присутствія трети гласныхъ для законности рѣшеній губернскихъ собраній; желали бы и для нихъ отмѣны этой цифры; а потому никакъ не думаемъ её предлагать для общей думы. Весьма ошибаются тѣ, которые думаютъ, что требованіе присутствія значительнаго числа гласныхъ для законности рѣшеній собранія, побуждаетъ этихъ выборныхъ къ болѣе исправному посѣщенію засѣданій, обеспечиваетъ имъ бо́льшую многолюдность и придаетъ рѣшеніямъ собранія бо́льшую авторитетность. Нѣтъ! Это вовсе не такъ. Во 1-хъ, во всякомъ собраніи, много дѣлъ такихъ, которые равно удовлетворительно рѣшаются двумя, тремя стами, какъ и двадцатью, тридцатью чле-

нами; это — дѣла мѣстныя, а равно и тѣ, которыя вносятся только ради соблюденія формальности. Во 2-хъ, когда члены знаютъ что, и при малолюдномъ собраніи, могутъ рѣшаться дѣла, то, опасаясь не участвовать въ рѣшеніяхъ собранія, они усерднѣе посѣщаютъ его засѣданія (*). Наконецъ въ 3-хъ, въ каждомъ собраніи, не много людей, могущихъ разрабатывать дѣла, приводить ихъ въ надлежащую ясность и опредѣлительность, и обставлять ихъ нужными соображеніями, и потому дѣйствительно участвующихъ въ рѣшеніяхъ; эти люди почти всегда суть самые усердные въ посѣщеніи засѣданій; требованіе присутствія большаго числа гласныхъ для законности рѣшеній, задерживаетъ дѣятельность этихъ тружениковъ и напрасно замедляетъ ходъ дѣлъ въ собраніяхъ.

Общая дума конечно будетъ имѣть право, изъ среды своей, избирать коммиссіи для разработки переданныхъ ей дѣлъ. Вѣроятно у ней будутъ и постоянныя коммиссіи, какъ напримѣръ: финансовая, юридическая и другія, а равно и временныя спеціальныя коммиссіи, которымъ на разсмотрѣніе будутъ передаваться особенно важныя дѣла, поступающія въ думу. Въ коммиссіяхъ, всего успѣшнѣе и плодотворнѣе подготовляются дѣла къ слушанію въ многолюдныхъ собраніяхъ; а потому желательно чтобы дума, съ перваго открытія своихъ засѣданій, обратила на ихъ устройство, на поря-

---

(*) Не разъ случалось мнѣ слышать отъ гласныхъ, въ оправданіе своего непріѣзда или поздняго пріѣзда въ собраніе, слѣдующія рѣчи: „мы знали, что сегодни не съѣдутся гласные въ достаточномъ числѣ“ или „мы знали, что сегодни гласные съѣдутся поздно.“

докъ ихъ избранія и дѣлопроизводства, свое особенное вниманіе.

Однимъ изъ главныхъ и самыхъ существенныхъ условій для успѣшной и полезной дѣятельности общей земской думы есть допущеніе посѣтителей въ ея засѣданія и печатаніе ея журналовъ, т. е. установленіе ея дѣлопроизводства на основаніи гласности. Иные находятъ её опасною, другіе — вредною, а нѣкоторые — просто безполезною; мы же считаемъ её благотворною вообще, а для Россіи — совершенно необходимою. Это убѣжденіе въ насъ такъ глубоко и сильно, что, не смотря на все наше желаніе видѣть общую земскую думу у насъ учрежденною, мы бы предпочли отсрочку на нѣкоторое время осуществленія этой благой мысли, исполненію ея безъ допущенія гласности въ думское дѣлопроизводство. Лучше пока не имѣть этого необходимаго учрежденія, чѣмъ имѣть его при условіяхъ, при которыхъ оно надлежащимъ образомъ дѣйствовать не можетъ. Удивляемся, что есть еще люди, которые продолжаютъ опасаться присутствія посѣтителей въ какихъ-либо засѣданіяхъ: и земскія собранія и суды у насъ теперь открыты для публики; а между тѣмъ, никакого неудобства а тѣмъ еще менѣе опасности, отъ того не оказывается. Какъ всѣмъ и даже многимъ нельзя постоянно бывать въ этихъ засѣданіяхъ, а нужно поддерживать общее участіе въ дѣлахъ суда и самоуправленія, то необходимо, во всякомъ случаѣ, печатать вѣрные и полные отчеты объ этихъ засѣданіяхъ, замѣняющіе для отсутствующихъ нахожденіе въ оныхъ. Собственно опасности отъ посѣтителей или отъ печатанія журналовъ, еще нигдѣ и никогда ни-

какой неоказывалось и быть не можетъ. Страшиться гласности — значитъ питать какія либо дурныя намѣренія, имѣть цѣлью не благо общее а личныя выгоды, и желать дѣлать тайно то, что неудобно или страшно дѣлать въ виду всѣхъ. — Гласность иныя считаютъ вредною какъ потому, что ею возбуждаются въ народѣ лишніе разговоры и толки, такъ и потому, что члены собраній, вмѣсто того чтобы заниматься дѣломъ, хлопочутъ о произведеніи эффекта своими рѣчами и о пріобрѣтеніи популярности. Это мнѣніе болѣе чѣмъ неосновательно и показываетъ, что люди, его придерживающіеся, очень поверхностно смотрятъ на производство дѣлъ общественныхъ и государственныхъ. Были, но, къ счастію человѣчества, миновали и конечно никогда уже не возворотятся тѣ времена, когда люди считались баранами или коровами, которыхъ нужно пасти а разсуждать съ ними нечего. Тогда конечно всякіе разговоры и толки были излишними и безполезными: достаточно было крикнуть и хлопнуть кнутомъ, и все повиновалось и приходило въ порядокъ. Теперь, къ сокрушенію нѣкоторыхъ, настала пора иная, и искать возвращенія минувшаго или удержанія его остатковъ — безполезно и безразсудно. Теперь необходимо людямъ толковать, съ ними разсуждать, отъ нихъ узнавать о ихъ нуждахъ и желаніяхъ, имъ доказывать что́ для нихъ полезно и что́ вредно, и побуждать ихъ не только дѣлать первое и воздерживаться отъ послѣдняго, но и склонить ихъ къ воздѣйствію въ томъ же смыслѣ и на другихъ. Теперь вреденъ не излишенъ а недостатокъ въ толкахъ и разговорахъ; ибо ими понятія уясняются и слѣдовательно веденіе общихъ дѣлъ облег-

чается. — Что касается до того, что, въ собраніяхъ, при посѣтителяхъ и стенографахъ, люди произносятъ длинныя рѣчи и стараются производить эффектъ и пріобрѣтать популярность, то конечно лучше чтобы тамъ говорились рѣчи короткія, дѣльныя и не бьющія на какія либо постороннія цѣли; но что дѣлать? Надо брать людей такими, какими они имѣются, и, избѣгая малой бѣды, не попадать въ бо́льшую. Мы знаемъ, что, въ засѣда́ніяхъ, гдѣ въ силѣ канцелярская тайна, часто вмѣсто того, чтобы заниматься дѣломъ, читаютъ газеты, толкуютъ о вчерашней игрѣ въ преферансъ, о милостивомъ или гнѣвномъ словѣ, сказанномъ высшими лицами тому или иному и о другихъ подобныхъ важныхъ матеріяхъ. Знаемъ, что тамъ дѣла часто докладываются такъ, что никто ничего понять не можетъ и не ищетъ, что секретари тамъ всемогущи, и что предсѣдатели и члены думаютъ только какъ бы поскорѣе все закончить и уѣхать домой или въ гости или на какую-либо прогулку. Знаемъ также, что мы, русскіе, еще слабо заинтересованы общественными дѣлами, что мы мало живаго участія въ нихъ вкладываемъ. что дѣла личныя стоятъ у насъ на первомъ планѣ, что разныя сплетни, извѣстія о пикантныхъ происшествіяхъ, для насъ занимательнѣе важныхъ общественныхъ и государственныхъ дѣлъ, и что пуще всего мы расположены предаваться сластямъ бездѣйствія. А потому смѣло спросимъ что на Руси вреднѣе: нѣсколько эффектныхъ рѣчей и кой-гдѣ проявляющаяся погоня за популярностью, или безучастное, формальное, а иногда и чисто эгоистическое отношеніе къ дѣламъ, простое ихъ спихиваніе къ исполненію и забота о полученіи жалованія и

въ добавокъ какого-нибудь крестика или, пожалуй, и ленты черезъ плечо? Для насъ гласность необходимѣе чѣмъ для кого бы то нибыло: мы слишкомъ привыкли во всемъ къ халату; мы слишкомъ равнодушно относимся ко всему, что прямо насъ не затрогиваетъ; мы слишкомъ мало проникнуты чувствомъ законности и нашихъ гражданскихъ и общественныхъ обязанностей; а потому необходимо чтобы хотя что-либо внѣшнее насъ возбуждало, выпремляло и направляло къ надлежащей общественной дѣятельности. А потому, общая земская дума безъ гласности была бы хуже телеги безъ колесъ, хуже лодки безъ веселъ, была бы однимъ присутственнымъ мѣстомъ больше, и слѣдовательно однимъ вѣроятіемъ меньше къ успѣшному и удовлетворительному веденію общественныхъ и государственныхъ дѣлъ въ Россіи.

Но есть случаи, когда гласность при обсужденіи дѣлъ неудобна или даже невозможна; а потому необходимо предоставить, и правительству и предсѣдателю и извѣстному числу гласныхъ, право требовать, чтобы обсужденіе такого-то дѣла происходило при закрытыхъ дверяхъ.

Вотъ тѣ главныя особенности, которыя слѣдовало бы имѣть въ виду при устройствѣ общей земской думы. Есть еще одна, но она, думаю, сама собою разумѣется. Хотя мы высказали желаніе, чтобы наши окраины не были лишены представительства въ думѣ, однако мы вовсе не желаемъ чтобы ихъ представители говорили на иномъ какомъ языкѣ а не русскомъ. Все дѣлопроизводство и всѣ пренія должны происходить исключительно на госу-

дарственномъ, т. е. на русскомъ языкѣ. Если откуда либо пріѣдутъ гласные, плохо выражающіеся по русски, то они должны винить въ томъ сами себя, но никагого исключенія для нихъ не слѣдуетъ допускать.

Заключеніе.

Изъ всего вышеизложеннаго, мы можемъ, кажется, вывести слѣдующія заключенія:

Во 1-хъ, что учрежденіе общей земской думы въ томъ видѣ, съ тѣми правами и обязанностями, какъ мы ихъ обозначили, нисколько не ограничиваетъ самодержавія, а напротивъ того, его усиливаетъ, доставляя ему возможность дѣйствовать съ бо́льшею свободою, сознательностью и устойчивостью; и

Во 2-хъ, что эта дума доставляетъ народу возможность, прямымъ и законнымъ путемъ, доводить, до свѣденія верховной власти, о своихъ нуждахъ и пользахъ, и участвовать совѣтомъ въ законодательствѣ и въ общемъ управленіи.

Мы доказали, кажется, что отъ учрежденія такой думы не можетъ быть никакой опасности и никакихъ неудобствъ для верховной власти. Напротивъ того, она получаетъ возможность: а) прямо и вѣрно узнавать обо всемъ, что́ ей нужно знать объ управляемой ею странѣ; б) пользоваться лучшими ея умственными и нравственными силами; и в) быть въ непосредственныхъ, правильныхъ и по-

стоянныхъ сношеніяхъ съ народомъ. Опасности и неудобства для правительства происходятъ только отъ невѣденія, безпомощности и одиночества.

Мы также, кажется, доказали, особенно въ предъидущей нашей книжкѣ (*), что настоящее наше положеніе тяжко до крайности, и что тяжесть его усугубляется еще тѣмъ, что великія преобразованія, совершенныя въ нынѣшнее царствованіе, открывали передъ нами новое и широкое поприще, на которомъ мы должны были развивать наши умственныя, нравственныя, хозяйственныя, промышленныя и торговыя силы; а вмѣсто того, мы встрѣчаемъ всюда ограниченія, стѣсненія, произвольныя дѣйствія всякаго рода и званія, и неизбѣжную при нихъ путанницу.

И это отъ чего?

Главнѣйше отъ того, что зданіе осталось безъ крышки.

Не могутъ мѣстныя земскія учрежденія надлежаще дѣйствовать, пока нѣтъ, въ ихъ завершеніи, однаго общаго земскаго учрежденія.

Не могутъ законы соотвѣтствовать общимъ потребностямъ, пользоваться уваженіемъ народа и строго имъ исполняться, пока они составляются только бюрократически.

Не могутъ финансовыя дѣла идти удовлетворительно, пока незнаніе страны, ея средствъ и потребностей, отсутствіе твердыхъ, народною жизнью выработанныхъ началъ, и неустойчивость во взглядахъ и мѣрахъ, составляютъ отличительныя черты дѣйствій финансоваго управленія, и пока одно об-

---

(*) Наше положеніе. Берлинъ 1875.

народованіе уже утвержденной государственной росписи приходовъ и расходовъ, слабо разсѣиваетъ мракъ, которымъ покрыты дѣла нашего государственнаго казначейства.

Не могутъ суды отправлять правосудіе неуклонно, устойчиво и независимо, пока ихъ предсѣдатели и члены щедро награждаются за угодливость и низкопоклонность, а оставляются назади за самостоятельность и твердость характера и убѣжденій, и пока нарушеніе законовъ самимъ министерствомъ юстиціи считается дѣломъ мудрой административной политики.

Не могутъ наши университеты, гимназіи, городскія и сельскія школы образовывать и развивать людей, пока въ основу первыхъ положены какія-то странныя, народному духу противныя начала, а послѣднія, какъ будто съ умысломъ, поручены въ завѣдованіе людей, имѣющихъ всего менѣе средствъ къ ихъ поддержанію и умноженію.

Всему этому и остальному подобному, для славы нынѣшняго царствованія и для блага народа, долженъ же наконецъ быть положенъ предѣлъ. А это можетъ быть исполнено только призывомъ народа къ участію въ государственномъ управленіи, т. е. учрежденіемъ общей земской думы.

Настоящее время есть самое для того благопріятное. Мы пользуемся не только миромъ съ сосѣдними державами, но и расположеніемъ и уваженіемъ ихъ правителей и народовъ; а внутри страны, еще сильны чувства любьви и благодарности къ Тому, Кто уже совершилъ въ отечествѣ нашемъ великія и благотворныя преобразованія. Ему должна принадлежать и слава ихъ завершенія и увѣнчанія.

ВЫПИСКИ

из Наказа коммиссіи о составленіи проэкта новаго Уложенія.

---

§ 15. Самодержавныхъ правленій намѣреніе и конецъ есть слава гражданъ, государства и государя.

§ 16. Но отъ сея славы происходитъ въ народѣ, единоначаліемъ управляемомъ, разумъ вольности, который въ державахъ сихъ можетъ произвести столько же великихъ дѣлъ и столько споспѣшествовати благополучію подданныхъ, какъ и самая вольность.

§ 38. Надобно въ умѣ себѣ точно и ясно представити: что́ есть вольность? Вольность есть право все то дѣлати, что́ законы дозволяютъ, и ежели бы гдѣ какій гражданинъ могъ дѣлать законами запрещаемое, тамъ уже больше вольности небыло: ибо и другіе имѣли бы равнымъ образомъ сію власть.

§ 39. Государственная вольность въ гражданинѣ есть спокойство духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственно наслаждается безопасностью: и чтобы люди имѣли сію вольность,

6*

надлежитъ быть закону такову, чтобы одинъ гражданинъ не могъ бояться другаго, а боялись бы всѣ однихъ законовъ.

§ 41. Ничего не должно запрещать законами кромѣ того, чтó можетъ быть вредно или каждому особенному или всему обществу.

§ 42. Всѣ дѣйствія, ничего такого въ себѣ не заключающія, ни мало не подлежатъ законамъ, которые не съ инымъ намѣреніемъ установлены, какъ только, чтобы сдѣлать самое большое спокойствіе и пользу людямъ, подъ сими законами живущимъ.

§ 57. Законоположеніе должно примѣняти къ народному умствованію. Мы ничего лучше не дѣлаемъ, какъ то, что мы дѣлаемъ вольно, непринужденно и слѣдуя нашей природной склонности.

§ 60. Когда надобно сдѣлать перемѣну въ народѣ великую къ великому онаго добру, надлежитъ законами то исправляти, чтó учреждено законами, и то перемѣнять обычаями, чтó обычаями введено. Весьма худая та политика, которая передѣлываетъ то законами, чтó надлежитъ перемѣнять обычаями.

§ 90. А ежели найдется страна, гдѣ люди инако не воздерживаются отъ пороковъ, какъ только суровыми казнями; вѣдайте, что сіе проистекаетъ отъ насильства правленія, которое установило сіи казни за малыя погрѣшности.

§ 158. Законы должны быть писаны простымъ языкомъ; и уложеніе, всѣ законы въ себѣ содержащее, должно быть книгою весьма употребительною, и которую бы за малую цѣну достать можно было на подобіе букваря . . . . Предписать

надлежитъ, чтобы во всѣхъ школахъ учили дѣтей грамотѣ попеременно изъ церковныхъ книгъ и изъ тѣхъ книгъ, кои законодательство содержатъ.

§ 163. Законъ долженъ точно опредѣлять тѣ знаки, по которымъ можно взять подъ стражу обвиняемаго, и которые подвергали бы его сему наказанію и словеснымъ допросамъ, кои такъ же суть нѣкоторый родъ наказанія.

§ 244. Сдѣлайте, чтобы люди боялися законовъ и ни кого бы кромѣ ихъ не боялися.

§ 245. Хотите ли предъупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространялося между людьми.

§ 248. Самое надежное, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими, есть приведеніе въ совершенство воспитанія.

§ 252. Когда законъ естественный повелѣваетъ намъ, по силѣ нашей, о благополучіи всѣхъ людей пещися; то обязаны мы состояніе сихъ подвластныхъ облегчати, сколько здравое разсужденіе дозволяетъ.

§ 262. Окончимъ все сіе, повторяя правило то, что правленіе весьма сходственное съ естествомъ есть то, котораго частное расположеніе соотвѣтствуетъ лучше расположенію народа, ради котораго оно учреждается.

§ 519. Правда что хорошее мнѣніе о славѣ и власти царя могло бы умножить силы державы его; но хорошее мнѣніе о его правосудіи равнымъ образомъ умножитъ оныя.

§ 520. Все сіе не можетъ понравиться ласкателямъ, которые по вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ со-

творены. Однакожъ Мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что Мы сотворены для нашего народа, и по сей причинѣ Мы обязаны говорить о вещахъ такъ, какъ онѣ быть должны. Ибо, Боже сохрани, чтобы послѣ окончанія сего законодательства, былъ какой народъ больше справедливъ и слѣдовательно больше процвѣтающъ на землѣ; намѣреніе законовъ Нашихъ было бы не исполнено: несчастіе до котораго Я дожить не желаю.

Москва 30 іюля 1767.

ПО ПОВОДУ

Отвѣта редактору газеты „Русскій Міръ“,

напечатаннаго въ Берлинѣ (1875),
подъ заглавіемъ:

Чѣмъ намъ быть?

Нельзя, безъ глубокаго, горькаго сочувствія, прочесть этотъ Отвѣтъ. Да, дѣйствительно, „во имя химеры классическаго образованія, наши университеты падаютъ, и молодежь, толпами выгоняемая изъ нихъ и изъ гимназій, обращается въ безумныхъ пропагандистовъ безсмысленныхъ брошюръ и прокламацій. Во имя химеры привилегированнаго дворянства, искажаются великія реформы нынѣшняго царствованія, и нашему развитію насильственно дается искуственное направленіе, противное тысячелѣтнему ходу русской исторіи, ослабляется власть и довѣріе къ ней народа; устраняется изъ администраціи просвѣщенное меньшинство, которое во всѣ наши лучшія эпохи шло впереди и стояло на первомъ планѣ; подавляется русская мысль, налагается печать молчанія на наши уста. Неужели это можетъ долго продолжаться и не-

ужели можно защищать такой порядокъ дѣлъ, какъ пытается „Русскій міръ“? Этому не хотѣлось бы вѣрить! Наука, мысль, теорія идутъ на службу олигархіи только въ эпохи разложенія государствъ и народовъ. Мы, надо надѣяться, еще не дошли до этой степени упадка. Пока мы, по видимому, только испорченныя, очень дурно воспитанныя дѣти, а не развращенный, извѣрившійся въ себя народъ.“

Къ прискорбію, эта картина, этотъ, изъ глубины души вырвавшійся отголосокъ — не преувеличены, не отягощены излишне мрачными красками. Нѣтъ! многое, очень многое еще опущено. — Затѣяли какую-то не слѣдственную а дознавательную коммиссію для очищенія Россіи отъ неблагонамѣренныхъ людей, порожденныхъ дѣйствіями той самой среды, которая теперь ихъ преслѣдуетъ. Схвачены, допрошены многія тысячи людей; засажены, содержутся въ заключеніи многія сотни лицъ мужескаго и женскаго пола, а преступленія полнаго, совокупнаго, подлежащаго прямой карѣ закона — все нѣтъ или почти нѣтъ! Есть увлеченія, глупости, дерзости, сумасбродства недоучившейся молодежи; есть мошенничества людей, воспользовавшихся ея пылкостью и неопытностью; но политическаго заговора все-таки, къ прискорбію дознавателей, въ наличности не оказывается (*). — Су-

(*) Да не подумаетъ кто-либо, что мы хотимъ защищать этихъ безумцевъ или негодяевъ! Нѣтъ! такого намѣренія мы конечно не имѣемъ. Слѣдовало, по мѣрѣ открытія каждаго отдѣльнаго проступка, производить слѣдствіе и обвиняемаго тотчасъ предавать суду. Вмѣсто этаго, захотѣли непремѣнно открыть заговоръ съ разными развѣтвленіями; набрали массу заподозрѣваемыхъ; и теперь приходится начинать, въ огромныхъ размѣрахъ, слѣдствіе; а затѣмъ — нѣсколько сотенъ людей предавать суду, какъ политичес-

дебная реформа, слава нынѣшняго царствованія — то, что́ особенно содѣйствовало къ привлеченію общей любви къ Виновнику этаго великаго преобразованія, и что́ должно было обеспечить Ему благословенія потомства — искажается все болѣе и болѣе: сыпятся награды на судей, и въ особенности на тѣхъ, которые всего мѣнѣе ихъ заслуживаютъ; выдвигаются, на высшія судебныя мѣста, люди, отличающіеся не знаніемъ и пониманіемъ дѣла, не стойкостью и независимостью характера, а своею угодливостью и неразборчивостью средствъ къ достиженію своихъ личныхъ цѣлей; расширяется дѣятельность прокуратуры и уничтожается самостоятельность слѣдственной части. — А народное образованіе вырывается изъ рукъ земства, поставившаго было его на первую очередь своихъ заботъ; отдается это дѣло подъ надзоръ дворянства, не имѣющаго къ тому никакихъ особенныхъ средствъ, а тѣмъ еще мѣнѣе обладающаго способами къ умноженію, поддержкѣ и упроченію народныхъ школъ; и поручается главное завѣдованіе ими въ губерніи — тремъ или четыремъ чиновникамъ (директору и инспекторамъ), едва успѣвающимъ отправлять установленныя вѣдомости и очищать номера къ попечителямъ учебныхъ округовъ и къ училищнымъ совѣтамъ, поставленнымъ теперь въ прямую зависи-

---

кихъ преступниковъ. Тутъ страшная ошибка: ничто такъ не распространяетъ и не укореняетъ самыхъ нелѣпыхъ ученій, какъ возведеніе ихъ проповѣдниковъ въ чинъ мучениковъ. Понимаемъ теперешнія затрудненія, сомнѣнія и опасенія правительства; сознаемъ и его обязанности; а потому искреннее сожалѣемъ, что оно, по милости нѣкоторыхъ людей, поставило себя въ такое болѣе чѣмъ непріятное положеніе.

мость отъ этихъ казенныхъ агентовъ. — Еще очень многое слѣдовало бы добавить къ этому грустному изображенію; но то, чтó чувствуется почти всѣми, чтó если не у всѣхъ на языкѣ, то у всѣхъ на умѣ — не требуетъ пространныхъ и обстоятельныхъ изложеній, а легко и вполнѣ понимается и съ полусловъ.

Не упрекаемъ автора Отвѣта въ томъ, что онъ скрылъ свое имя: очевидно, что онъ стоитъ вблизи властвующей среды, что онъ хорошо ее знаетъ, что чувства, которыя она ему внушаетъ не позволили ему относиться къ ней снисходительно и вынудили его къ рѣзкимъ отзывамъ о нѣкоторыхъ личностяхъ. Когда на душѣ горько, то и плачемъ и рыданіями и даже вскрикиваніями ищешь ее облегчить. Мы не знаемъ кто авторъ этой книжки; но прочитавши ее, мы пришли къ убѣжденію, что онъ говоритъ отъ души, безъ заднихъ мыслей, и что не руководствуется никакими вредными теоріями.

Раздѣляя мнѣніе автора на счетъ язвы, насъ съѣдающей, мы никакъ не можемъ съ нимъ согласиться на счетъ предлагаемой имъ мѣры къ ея уврачеванію. Удивляемся даже что, изучивши глубоко недугъ, насъ одержащій, онъ могъ, хотя на одну минуту, остановиться мыслью на такомъ лишь къ внѣшнему употребленію предназначенномъ врачествѣ. Нѣтъ! одними примочками и спускомъ нельзя изцѣлить глубокой, закоренелой раны.

Авторъ „глубоко убѣжденъ, что только правильно и сильно организованное государственное учрежденіе административнаго *а не политическаго* характера, могло бы вывезти насъ изъ теперешняго

хаоса и безправія, и предупредить серіозныя опасности для Россіи и власти, на которыя насъ насильственно и неудержимо толкаетъ всесильное господство придворной клики." — „Въ этихъ видахъ," по мнѣнію автора, „на первомъ планѣ, стоитъ у насъ *созданіе административнаго или правительствующаго сената*, но совсѣмъ иначе организованнаго, чѣмъ теперешній 1-й департаментъ сената."

Продолжаемъ изложеніе мнѣнія автора собственными его словами:

„Главное значеніе административнаго сената, равнаго государственному совѣту и совершенно независимаго отъ министра юстиціи, должно быть правительственное. Онъ долженъ быть прочно и сильно организованъ и имѣть всю необходимую самостоятельность. Цѣль его учрежденія — *дать единство управленію государства, положить конецъ министерскому произволу, служить передъ верховною властью выраженіемъ потребностей и нуждъ страны*, въ противувѣсъ темнымъ закулиснымъ интригамъ придворной клики и ея своекорыстнымъ наущеніямъ. Этой важной и трудной задачѣ должно соотвѣтствовать устройство этого учрежденія и его аттрибуты."

„Для выполненія своей задачи, предполагаемый административный сенатъ долженъ быть *учрежденіемъ коллегіальнымъ, съ числомъ членовъ не менѣе того, изъ какого составленъ государственный совѣтъ.*"

„Въ административномъ сенатѣ должны быть представлены всѣ элементы государства, ибо соединеніе ихъ необходимо для выраженія передъ верховною властью нуждъ и потребностей государства и страны. Съ этою цѣлью, *треть членовъ*

административнаго сената должна состоять *изъ лицъ, назначаемыхъ непосредственно верховною властью; треть—назначаться по выбору губернскихъ земствъ; треть—избираться самимъ сенатомъ.* Избранные становятся сенаторами безъ утвержденія. При такомъ составѣ, въ сенатѣ будутъ представлены и администрація и провинціи и наконецъ такія элементы и интересы Россіи, которые не входятъ въ два первые разряда. Сверхъ этихъ членовъ никто не можетъ быть сенаторомъ и пользоваться правами этой должности."

„Еслибъ оказалось невозможнымъ ввести въ составъ сената одновременно по одному выборному отъ каждой губерніи, то слѣдовало бы *установить между губерніями, однажды на всегда, извѣстную очередь для замѣщенія выбывающихъ сенаторовъ новыми выборными изъ провинцій.*"

„Административный сенатъ обновляется, въ своемъ составѣ, не вдругъ, а ежегодно одною третью, чтобъ въ немъ большинство всегда состояло изъ членовъ опытныхъ, знакомыхъ съ дѣлами и порядкомъ ихъ веденія. Такимъ образомъ, каждый членъ сената назначается или избирается, на примѣръ, на три года; но, по истеченіи срока, онъ можетъ быть назначенъ или избранъ на такой же срокъ."

„Въ продолженіи всего времени пребыванія своего въ должности, сенаторъ не можетъ занимать никакой другой, ни въ государственной, ни въ общественной, ни въ частной службѣ. Онъ не можетъ быть также удаленъ изъ сената иначе, какъ по судебному приговору за уголовное преступленіе. За выраженіе своихъ мнѣній въ засѣданіяхъ сената,

онъ не подлежитъ преслѣдованію и отвѣтственности.“

„Члены сената, за все время пребыванія своего въ должности, получаютъ опредѣленное содержаніе, безъ различія назначаемыхъ верховною властью отъ выборныхъ.“

„Гласность разсужденій и преній административнаго сената, я не считаю необходимою. При полной свободѣ членовъ выражать свои мнѣнія, не подвергаясь никакой отвѣтственности и при другихъ личныхъ гарантіяхъ членовъ сената, гласность его разсужденій, при нашей падкости къ популярничанію и эффектамъ, могла бы скорѣе вредить чѣмъ приносить пользу дѣятельности этаго государственнаго учрежденія. Чѣмъ меньше будетъ для членовъ повода расчитывать на ораторскій успѣхъ за стѣнами сената, тѣмъ дѣльнѣе и основательнѣе будутъ ихъ разсужденія.“

„*Предсѣдатель сената есть Государь Императоръ. Первоприсутствующій,* предсѣдательствующій въ сенатѣ въ отсутствіе Императора, *утверждается Имъ изъ числа двухъ или трехъ кандидатовъ, избираемыхъ сенатомъ.*“

„При такой организаціи, административный сенатъ будетъ учрежденіемъ прочнымъ, значительнымъ и достаточно высоко поставленнымъ, чтобъ не подчиняться ни чьимъ вліяніямъ, кромѣ непосредственныхъ велѣній Государя.“

„Аттрибуты власти административнаго сената должны соотвѣтствовать его назначенію въ составѣ государственныхъ учрежденій.“

„Комитетъ министровъ есть учрежденіе устарѣлое, безполезное и, при теперешнемъ своемъ со-

ставѣ, вовсе недостигающее цѣли. Оно подлежитъ упраздненію, тѣмъ болѣе, что серіозныя дѣла этаго учрежденія уже отошли въ совѣтъ министровъ.“

,,Первый департаментъ сената слишкомъ безсиленъ, чтобы держать администрацію въ должныхъ границахъ и сообщать ей необходимое единство. Онъ тоже подлежитъ упраздненію.“

,,Затѣмъ государственный совѣтъ, съ отдѣленіемъ отъ него судебной власти, есть учрежденіе по преимуществу законодательное. Административныя дѣла, нынѣ ему предоставленныя, вовсе ему не свойственны.“

,,Административный сенатъ, какъ высшее административное учрежденіе въ государствѣ, долженъ соединять въ себѣ всѣ дѣла и власть, раздѣленныя теперь между государственнымъ совѣтомъ, комитетомъ министровъ и 1-мъ департаментомъ правительствующаго сената.“

,,Необходимо, чтобы отчеты министровъ и главныхъ управленій передавались на разсмотрѣніе этаго учрежденія, и чтобы ему предоставлено было право требовать, отъ всѣхъ министровъ и управленій отдѣльными частями, доставленія свѣденій и разъясненій, какія онъ признаетъ нужнымъ отъ нихъ потребовать. Онъ имѣетъ также право приглашать къ участію въ своихъ засѣданіяхъ, съ совѣщательнымъ голосомъ, всѣ тѣ лица, которыя, по его соображеніямъ, могутъ быть для него по чему либо нужными.“

,,Наконецъ, административному сенату должно быть предоставлено право, по собственному почину и собственною властью, *производить, посредствомъ своихъ членовъ, ревизію министерствъ и управленій*

отдѣльными частями, а также мѣстъ и учрежденій имъ подчиненныхъ."

„Однимъ изъ главныхъ аттрибутовъ административнаго сената должно быть право представлять верховной власти, на ея усмотрѣніе, соображенія свои о ходѣ различныхъ отраслей государственнаго управленія и о необходимыхъ общихъ законодательныхъ и административныхъ мѣрахъ, касающихся исключительно внутренняго состоянія государства. Отъ верховной власти будетъ уже зависѣть дать этимъ соображеніямъ дальнѣйшій ходъ или оставить ихъ безъ послѣдствій."

„Административный сенатъ, какъ государственное учрежденіе въ странѣ, управляемой неограниченною монархическою властью, имѣетъ только совѣщательную, а не рѣшительную власть. Заключенія его, въ видѣ ли общихъ соображеній или проэктовъ общихъ мѣръ и предположеній или опредѣленій по текущимъ дѣламъ, приводится въ исполненіе не иначе, какъ съ высочайшаго утвержденія. Только изложенные выше аттрибуты административнаго сената, не будучи ни общими мѣрами, ни рѣшеніями, а лишь способами и средствами для исполненія лежащихъ на немъ обязанностей, предоставляются его власти и не требуютъ утвержденія." (Чѣмъ намъ быть? Отвѣтъ редактору газеты „Русскій міръ". Берлинъ 1875. Стр. 67—78.)

Мы изложили мнѣніе автора Отвѣта довольно обстоятельно и собственными его словами, потому что многое въ его предложеніяхъ остается для насъ непонятнымъ, темнымъ, недосказаннымъ, даже страннымъ.

Не понимаемъ, какъ Государю быть предсѣ-

дателемъ, хотя и почетнымъ, такого учрежденія, гдѣ дѣйствительнымъ предсѣдательствующимъ можетъ оказаться лицо, вовсе не пользующееся Его расположеніемъ и довѣріемъ? Можетъ случиться, что въ сенатѣ образуется большинство, не благопріятствующее министрамъ, т. е. оппозиціонное, и что оно изберетъ всѣхъ кандидатовъ въ должность предсѣдательствующаго изъ членовъ оппозиціи; возможно ли Государю утвердить своимъ намѣстникомъ кого-либо изъ лицъ, къ которымъ онъ не чувствуетъ ни расположенія, ни довѣрія?

Треть членовъ административнаго сената будетъ изъ земскихъ людей; другая треть — изъ бывшихъ сановниковъ и вообще изъ людей угодныхъ правительству; остальная треть, т. е. самая важная — та, которая, по затруднительнымъ и щекотливымъ вопросамъ, будетъ именно рѣшать, имѣетъ быть избираемою самимъ сенатомъ, т. е. тою или другою третью, смотря потому, изъ которой окажется мѣнѣе перебѣжщиковъ или больныхъ или почему либо отсутствующихъ. Слѣдовательно большинство однаго, двухъ, трехъ голосовъ при выборахъ, рѣшитъ на весь годъ, а быть можетъ и на два, какая треть будетъ господствовать въ сенатѣ и давать исходъ важнѣйшимъ дѣламъ! Возможно ли случаю предоставить такое значеніе при веденіи государственныхъ дѣлъ?

Авторъ не опредѣляетъ: какого рода административныя дѣла должны подлежать разсмотрѣнію, обсужденію и рѣшенію административнаго сената? Изъ того, что онъ предполагаетъ упраздненіе какъ 1-го департамента сената, такъ и комитета министровъ, надо заключить что всѣ дѣла, имъ подвѣдомыя,

должны перейти въ кругъ дѣйствія предполагаемаго учрежденія; но эти дѣла весьма разнородны и чрезвычайно многочисленны. Главный предметъ занятій 1-го департамента сената заключается въ разрѣшеніи жалобъ на дѣйствія разныхъ административныхъ учрежденій; слѣдовательно эти дѣла суть свойства судебно-административнаго. Главный предметъ занятій комитета министровъ есть утвержденіе или отклоненіе разныхъ исполнительныхъ предположеній; слѣдовательно, они свойства чисто-административнаго. Количество дѣлъ какъ тѣхъ такъ и другихъ — громадно; оно постоянно увеличивается и должно увеличиваться. Удобно ли, возможно ли, желательно ли сосредоточить ихъ въ одномъ и томъ же учрежденіи? Думаемъ, напротивъ того, что совершенно необходимо имѣть два отдѣльныя учрежденія, изъ которыхъ одно, само ничѣмъ собственно не распоряжаясь, только контролируетъ, по подаваемымъ жалобамъ, дѣйствія администраціи; а другое, чисто распорядительное, состоящее изъ однихъ министровъ и главно-управляющихъ отдѣльными частями, завѣдуетъ, подъ ихъ совокупною отвѣтственностью, главными дѣлами управленія. Почти такой порядокъ у насъ нынѣ и существуетъ; желательно не отмѣна его, даже не коренное его преобразованіе, а только наполненіе этихъ учрежденій людьми трудолюбивыми, добросовѣстными и дерзающими имѣть *свои* убѣжденія.

Административный сенатъ долженъ состоять приблизительно изъ 60 членовъ (т. е. не мѣнѣе числа членовъ государственнаго совѣта.) Проэкты законовъ и предположенія о важныхъ государственныхъ мѣрахъ могутъ обсуживаться и 600 членами. Чѣмъ много-

стороннѣе, разнообразнѣе и неспѣшнѣе обсужденіе такихъ проэктовъ и предположеній, тѣмъ лучше; но дѣла административныя или уже совершенныя и разсматриваемыя, по жалобамъ, въ отношеніи ихъ законности и справедливости, или требующія, для своего совершенія, только разрѣшенія и утвержденія, суть свойства совершенно инаго. По всѣмъ этимъ дѣламъ не нужно принимать въ соображеніе всѣ могущія встрѣтиться случаи и оказаться послѣдствія, а равно различныя мѣстныя и временныя обстоятельства; не нужно ни особенной предъусмотрительности и изобрѣтательности, ни тщательной и всесторонней разработки обсуживаемаго предмета; тутъ разсматривается не общій а частный вопросъ, при положительно опредѣленной обстановкѣ; тутъ требуются добросовѣстность и особенно быстрота рѣшенія; а потому многочисленность коллегіи тутъ не полезна а вредна: потребуются лишнія объясненія, завяжутся длинныя пренія и отъ того закончаніе дѣлъ замедлится. Учрежденіе изъ 3, 5 или 7 членовъ, по дѣламъ административнымъ, столько же компетентно сколько и коллегія изъ 60 лицъ; но первая имѣетъ надъ послѣднею то огромное преимущество, что она покончитъ 20, 30, 40 дѣлъ въ то время, когда эта едва обсудитъ 5, 6, много 10 дѣлъ. А быстрота завершенія дѣлъ административныхъ есть обстоятельство особенно важное. Какъ бы учрежденіе шестидесятичленнаго сената не заставило сожалѣть объ упраздненіи нынѣшняго 1-го департамента сената!

Авторъ ничего не говоритъ о томъ, будутъ ли министры, какъ лично такъ и чрезъ своихъ товарищей, непремѣнными членами сената и въ какихъ

отношеніяхъ имѣютъ они къ нему состоять? При обсужденіи дѣлъ, нынѣ подвѣдомыхъ комитету министровъ, совершенно необходимо присутствіе въ сенатѣ не только того министра, котораго докладъ обсуживается, но и прочихъ, ибо рѣдко мѣры однаго вѣдомства не прикасаются дѣлъ другихъ вѣдомствъ; а при желаніи ввести болѣе единства въ управленіе, нѣтъ возможности изключить министровъ изъ административнаго сената. При обсужденіи дѣлъ имѣющихъ поступить изъ 1-го департамента сената трудно также лишить ихъ права участія въ совѣщаніяхъ и рѣшеніяхъ новаго сената, какъ потому что теперь они, по званію своему, суть членами 1-го департамента, такъ въ особенности и потому, что едва ли соотвѣтственно цѣли учрежденія высшей административной инстанціи исключеніе ихъ изъ нея: тутъ они могутъ представлять свои объясненія и защищать свои и своихъ подчиненныхъ дѣйствія. Но при этомъ нельзя упустить изъ вида того, что если министры, по званію своему, будутъ членами административнаго сената, и что если правительство сверхъ того будетъ назначать цѣлую треть сенаторовъ, то треть членовъ отъ земства будетъ осуждена на постоянное нахожденіе въ меньшинствѣ.

Всѣ эти нами указанныя и другія нами молчаніемъ пройденныя неясности и несообразности еще могутъ быть такъ или иначе исправлены; но посмотримъ: въ состояніи ли предполагаемый сенатъ исполнить тѣ главныя цѣли, для достиженія которыхъ онъ учреждается?

Во 1-хъ, онъ долженъ „дать единство управленію государства.“

Для того, чтобы дать что-нибудь другому, нужно самому то имѣть. Можно ли разсчитывать на то, что въ предполагаемомъ сенатѣ будетъ единство? Онъ составляется изъ двухъ элементовъ, не только разнородныхъ, но даже совершенно противуположныхъ: изъ людей земскихъ и служилыхъ. Едва ли можетъ выработаться въ немъ взглядъ на дѣла, единичный, самостоятельный, чуждый духа партій и равно соотвѣтствующій желаніямъ земства и правительства. Едва ли, въ важныхъ случаяхъ, рѣшенія административнаго сената будутъ единогласныя или утвержденныя значительнымъ большинствомъ. Если послѣднее и окажется, то не будетъ ли это большинство случайнымъ — произведеніемъ того, что́ мы выше указали, т. е. выбора остальной трети людьми той или другой трети? — Къ образованію настоящаго, плотнаго большинства въ сенатѣ, мы въ его устройствѣ не видимъ, ни причинъ, ни средствъ.

Къ тому же, мы ясно не понимаемъ, что собственно этотъ сенатъ будетъ обсуживать: жалобы ли на губернскія правленія, казенныя палаты и другія казенныя губернскія учрежденія, на губернскія земскія собранія и управы, на министерства и другія первостепенныя административныя власти, или только жалобы на эти послѣднія? Въ первомъ случаѣ, административному сенату придется разбиться на множество департаментовъ, и тогда не можетъ быть и рѣчи о водвореніи бо́льшаго единства въ наше управленіе. Теперь ежедневно поражаютъ насъ противурѣчія въ распоряженіяхъ разныхъ министерствъ; тогда мы увидимъ такія же разногласія, исходящія изъ разныхъ департамен-

товъ однаго и того же административнаго сената. А въ послѣднемъ случаѣ, т. е. при ограниченіи подвѣдомственности сената разсмотрѣніемъ только жалобъ на дѣйствія министровъ и другихъ первостепенныхъ учрежденій, не думаемъ чтобы мы оказались въ барышахъ отъ упраздненія 1-го департамента нынѣшняго сената, который не рѣдко защищалъ земскія учрежденія отъ произвола губернаторовъ, а частныхъ людей — отъ дѣйствій губернскихъ правленій, казенныхъ палатъ и пр. Вмѣсто того, чтобы прямо жаловаться сенату, какъ теперь узаконено, придется сперва непремѣнно обращаться къ министрамъ, и уже затѣмъ въ сенатъ. Во всякомъ случаѣ, это увеличитъ число инстанцій, и слѣдовательно на годъ замедлитъ рѣшенія по административнымъ дѣламъ.

Затрудняемся уразумѣть и то, какое единство въ администраціи можетъ водвориться съ учрежденіемъ административнаго сената: выработка законовъ отъ него зависѣть не будетъ; министерства будутъ распоряжаться по своему усмотрѣнію; извѣстно какіе законы у насъ издаются и какъ министры съ ними обходятся. Что дѣлать административному сенату въ тѣхъ случаяхъ, когда изданный законъ противурѣчитъ его убѣжденіямъ? Долженъ ли онъ настаивать на его исполненіи или соединяться съ тѣми министрами, которые будутъ его обходить или подъ него подкапываться, какъ это теперь у насъ въ обычаѣ въ административномъ мірѣ? Въ странахъ образованныхъ и самостоятельныхъ, убѣжденія имѣютъ для людей значеніе; и администраторы, не одобряющіе закона, который они должны исполнять, удаляются. Какъ

поступать, въ этомъ случаѣ, членамъ административнаго сената — отказываться ли отъ своихъ убѣжденій или отъ своихъ мѣстъ? Въ первомъ случаѣ, этотъ сенатъ не будетъ пользоваться ни чьимъ уваженіемъ и довѣріемъ; а въ послѣднемъ, не останется ли сенатъ безъ членовъ или по крайней мѣрѣ безъ членовъ отъ земства?

Нѣтъ! такими косвенными и искусственными мѣрами, единства въ управленіе не водворишь. Для достиженія этой цѣли необходимо: во 1-хъ, чтобы было единство въ законодательствѣ, т. е. чтобы законы были исполнимы и соотвѣтствовали потребностямъ и желаніямъ страны; и во 2-хъ, чтобы исполненіе этихъ законовъ поручалось людямъ, искренно ихъ одобряющимъ и пользующимся общимъ уваженіемъ и довѣріемъ. Помимо этихъ средствъ, все прочее останется безъ результата: нагромозжайте сколько хотите новыхъ инстанцій, составляйте самые строгіе и обстоятельные регламенты, и въ концѣ концевъ все таки останется та путаница и тотъ хаосъ, которые теперь насъ сокрушаютъ.

Во 2-хъ, этотъ административный сенатъ долженъ „положить конецъ министерскому произволу.“

Какъ этаго онъ достигнетъ?

Онъ можетъ отмѣнять, по жалобамъ, неправильныя распоряженія министровъ — это не рѣдко дѣлаетъ и нынѣшній 1-й департаментъ сената, но этимъ мало сокращается министерскій произволъ.

Онъ можетъ дѣлать представленія верховной власти объ опущеніяхъ и беззаконіяхъ, допускаемыхъ министрами. Въ этихъ случаяхъ, потребуются отъ нихъ объясненія; а слова послѣдняго говорящаго, и притомъ говорящаго а не пишущаго,

имѣютъ вообще несравненно бо́льшій вѣсъ, чѣмъ представленія учрежденія, могущаго легко быть заподозрѣннымъ или обвиненнымъ въ систематической оппозиціи „благимъ" видамъ правительства. Наши администраторы такъ изловчились, въ показываніи чернаго бѣлымъ и на оборотъ, что они конечно не затруднятся въ отпарированіи всякаго противъ нихъ направленнаго обвиненія. Представляютъ же теперь отчеты о блестящемъ положеніи нашихъ университетовъ и гимназій, и о благихъ послѣдствіяхъ водворенія въ нихъ классицизма!

Административный сенатъ будетъ имѣть право производить, чрезъ своихъ членовъ, ревизію министерствъ, и такимъ образомъ онъ въ состояніи будетъ ближайше за ними наблюдать. Ну, это какъ-то съ трудомъ вмѣщается въ нашу голову. Знаемъ, что сенаторы производятъ ревизіи губернскихъ управленій; но извѣстно намъ также, какую суматоху эти ревизіи производятъ въ губерніи, и какъ рѣдки и крайни тѣ случаи, когда верховная власть на такія мѣры рѣшается. Министры назначаются непосредственно Государемъ; они имѣютъ у Него личные доклады; они, пока сидятъ на своихъ мѣстахъ, считаются пользующимися полнымъ Его довѣріемъ. Нигдѣ еще въ мірѣ не подвергали министерства ревизіямъ, хотя бывали случаи, что министровъ отдавали подъ судъ; какъ же рѣшиться на нововведеніе, сопряженное съ видимыми неудобствами и притомъ необѣщающее рѣшительныхъ добрыхъ послѣдствій? Право на такую ревизію дать сенату, пожалуй, можно; но не останется ли оно правомъ только на бумагѣ, безъ примѣненія его къ дѣлу? Если же, паче чаянія, въ исключительномъ какомъ

либо случаѣ, оно и перейдетъ въ исполненіе, то несомнѣнно произведетъ оно суматоху въ цѣлой части государственнаго управленія; но будетъ ли отъ того соразмѣрная польза? Въ этомъ, мы болѣе чѣмъ сомнѣваемся. Къ тому же, какъ легко противъ всякаго министра возбудить подозрѣнія и обвиненія, такъ трудно ихъ фактически доказать, развѣ его упущенія и злоупотребленія будутъ уже черезъ чуръ явны и грубы, — чего, при нашей довольно искусной бюрократіи, ожидать нельзя. А потому шума и возни будетъ много, а пользы — почти никакой.

Никакой административный сенатъ, хотя бы и лучше организованный чѣмъ тотъ, о которомъ здѣсь рѣчь идетъ, не въ состояніи сократить министерскій произволъ. Ввести его въ настоящія границы могутъ только достаточно расширенная и утвержденная гласность печатнаго и изустнаго слова, и доставленіе верховной власти возможности выбора государственныхъ дѣятелей не изъ тѣснаго кружка лицъ, её окружающихъ, а изъ всей массы людей, заявившихъ на всемъ пространствѣ имперіи, и словомъ и дѣломъ, свой умъ, свои свѣденія, свое трудолюбіе и пуще всего свою искреннюю преданность законности.

Наконецъ въ 3-хъ, административный сенатъ долженъ „служить, передъ верховною властью, выраженіемъ потребностей и нуждъ государства и страны“.

Готовы допустить, что треть членовъ, назначаемыхъ верховною властью, можетъ считаться представительницею правительства и выражать его виды и мнѣнія; но никакъ не можетъ согласиться

съ тѣмъ, чтобы 20 человѣкъ, избираемыхъ земствомъ, могли считаться выраженіемъ общественнаго мнѣнія 80 милліоннаго населенія. Губерній, нынѣ пользующихся земскими учрежденіями имѣется подъ сорокъ, а всѣхъ губерній и областей, со включеніемъ окраинъ, которыя также не могутъ быть лишены права заявлять о своихъ нуждахъ, насчитывается слишкомъ вдвое, а какъ сенаторовъ предполагается избирать на три года, то каждая губернія будетъ имѣть право назначать своего и притомъ единственнаго представителя одинъ разъ въ 12 лѣтъ. Да развѣ одинъ человѣкъ, какъ бы даровитъ и свѣдущъ онъ ни былъ, можетъ быть нѣсколько вѣрнымъ и полнымъ представителемъ цѣлой губерніи? Потребности нашихъ обширныхъ губерній весьма разнообразны и многочисленны. Назначать ихъ представителемъ и истолкователемъ однаго человѣка и притомъ въ двѣнадцать лѣтъ однажды на три года — это предположеніе не серіозное. Декороція, пожалуй, поставится, но настоящаго представленія никакого не будетъ.

Изъ вышеизложеннаго, кажется, очевидно, что административный сенатъ не въ состояніи достигнуть ни одной изъ цѣлей, ему предназначенныхъ, и что все предположеніе объ устройствѣ этого новаго сената лишено основательности.

Не понимаемъ, какъ авторъ, сознавши всю глубину и весь объемъ нашего бѣдственнаго положенія, не усмотрѣлъ, что главныя причины нашей правительственной немощи заключаются въ томъ, что законы составляются безъ знанія страны и что первыя должности въ имперіи замѣщаются людьми, случайно попавшими на глаза верховной власти.

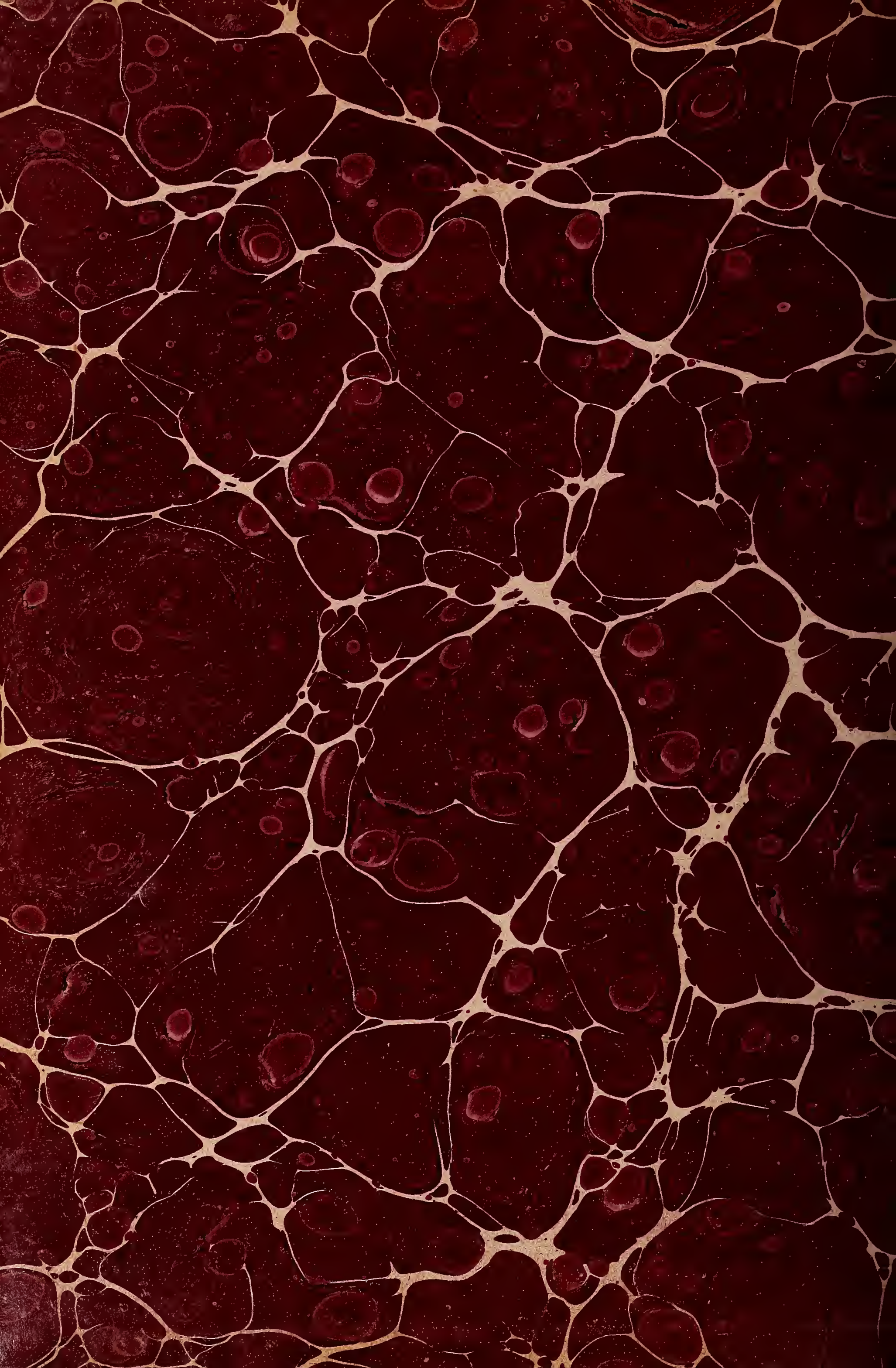
Оставляя законодательныя труды за государственнымъ совѣтомъ, и предоставляя 80 милліонному народонаселенію избраніе только 20 представителей, ни та ни другая причина нашего недуга, не устраняется. Ужъ лучше ничего не предлагать и терпѣть, чѣмъ указывать на средство, которое никакого спасительнаго дѣйствія оказать не можетъ.

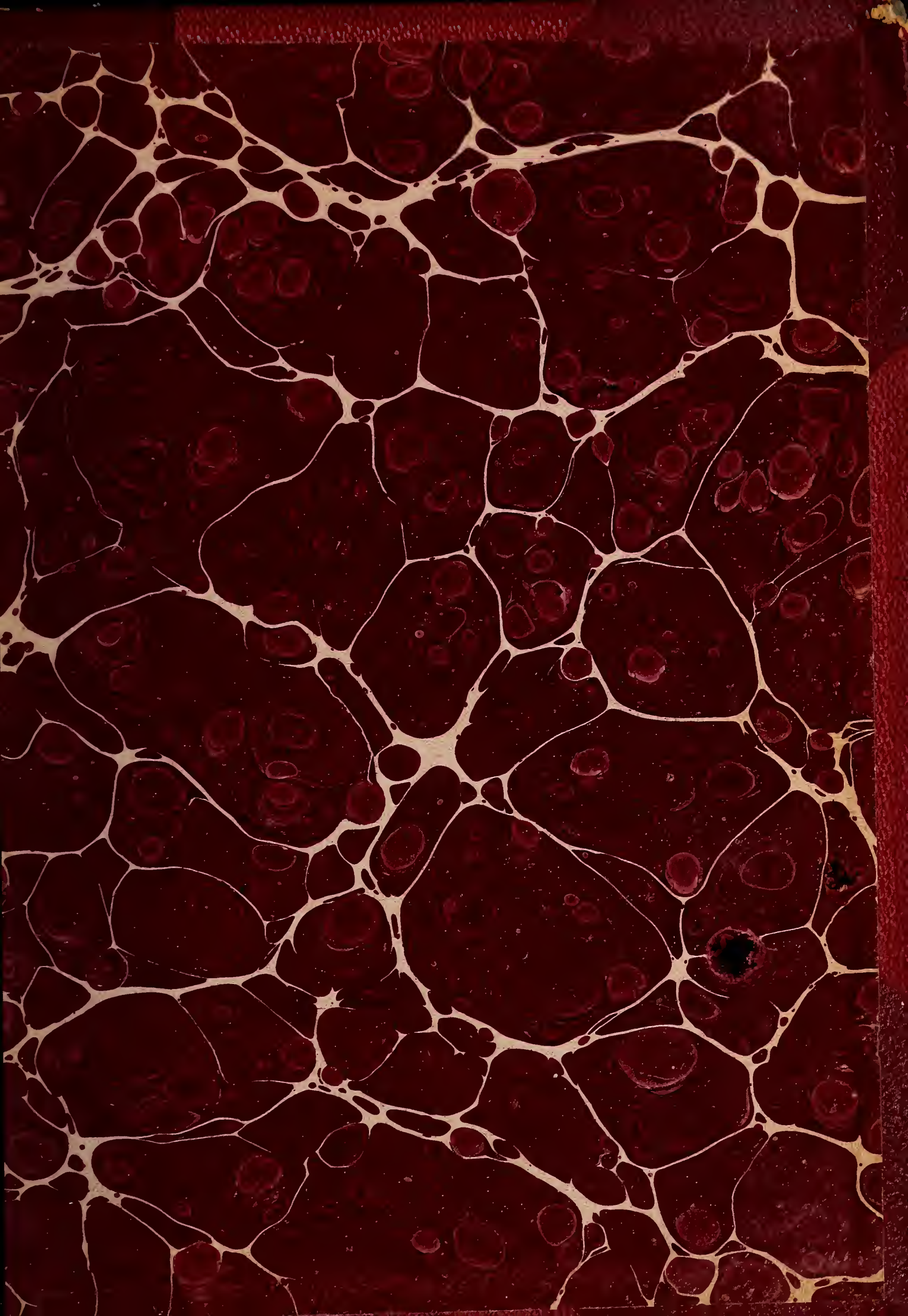
Что могло автора Отвѣта побудить къ предложенію такого невиннаго снадобья противъ жестокой, насъ одержащей болѣзни? Почти угадываемъ причину, заставившую автора рѣшиться на такое предложеніе: онъ побоялся напугать читателей требованіемъ избранія нѣсколькихъ представителей отъ каждой губерніи, передачи имъ на обсужденіе законодательныхъ проэктовъ, и предоставленія этимъ выборнымъ права высказывать свои мнѣнія по важнымъ административнымъ вопросамъ и предложеніямъ; а потому онъ ограничился чѣмъ-то въ родѣ предложенія о преобразованіи 1-го департамента существующаго сената, съ введеніемъ въ него новыхъ элементовъ и съ предоставленіемъ ему новыхъ (какъ онъ говоритъ) „аттрибутовъ". Нѣтъ! правду или то, что́ мы считаемъ таковою, надо высказывать прямо, откровенно и вполнѣ; и притомъ должно быть убѣжденнымъ, что изъ новой ткани заплатъ на старое платье дѣлать не приходится; его извѣтшалость становится только очевиднѣе; а вставки и наставки не придадутъ ему крѣпости, а окончательно сдѣлаютъ его никуда негоднымъ. Нѣтъ! новаго вина въ старые мѣхи вливать нельзя.

11/23 іюля 1875.
Емсъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

LIBRARY OF CONGRESS
0 019 953 038 0